

Глава VII ПЕРСИДСКИЙ ПОХОД

1. Предпосылки и цели.

7 августа 1721 года 6-тысячный отряд горцев лезгин и казыкумьков, восстав под главенством своих владетелей Дауд-Бека и Сурхая против шаха Персии, захватил подвластный ему город Шемаху (западнее Каспия — *Авт.*) и подверг его страшному погрому. Горцы напали на оказавшихся здесь русских купцов и из гостиного двора “погнали их саблями и иных побили”, а “товары все разграбили”.

Шемахинский инцидент стал предлогом для развязывания боевых действий в прикаспийских землях.

Что же побудило Петра I обратить взор на восток, на прикаспийские страны — среднеазиатские ханства Хиву, Бухару и Персию? Ответ тут однозначен. Тот же национальный интерес, который заставил царя сражаться двадцать лет за Балтийское море, подвигал его и к борьбе за Каспий. Почти всем завоевательным устремлениям Петра I вообще была присуща та особенность, что они выводили Россию к морям, которые давали великой континентальной державе выходы в “большой мир”.

К началу XVIII века Россия владела лишь северным берегом Каспийского моря, имея здесь город-крепость Астрахань, на протяжении от реки Терека до реки Яика (Урала). Южная граница России проходила по линии Киев, Переволочна, Черкасск, верховья Кумы, течение Терека — до Каспийского моря, а восточная граница — от Каспийского моря по Яику, так что соседями России в бассейне Каспийского моря являлись на западе и юге Персия (включая Кабарду), а на востоке Хива и Бухара.

Утверждение России на Каспии выводило ее к богатствам прикаспийских земель: к золотым россыпям рек Сыр-Дарья и Амударья, месторождениям меди, мрамора, залежам свинцовой руды и серебра в горах Кавказа, к нефтеносным источникам Азербайджана; Кавказ, Персия и Средняя Азия поставляли бы на российский рынок взамен традиционных русских товаров (лен, лес, зерно) шелк-сырец, хлопок, шерсть, шелковые и хлопчатобумажные ткани, краски, драгоценные украшения, фрукты, вина и пряности. Все это дало бы мощный стимул развитию любезным сердцу Петра мануфактурам в судостроении, черной и цветной металлургии, пороховом производстве,

суконном и шелкоткацком производстве и т.п., что сулило бы России процветание.

Петр I таким образом готовил России великую судьбу посредника в сношениях между Востоком и Западом.

В фокусе всех этих замыслов царя стоял Персидский поход. Северная война связывала руки Петра для развертывания походов сюда, в Прикаспье и Поволжье. Хотя кое-чем все же Россия тут располагала.

Здесь стояли казачьи Гребенские городки, крепости (Терки, Астрахань и города Поволжья), а от Царицына на Волге до Паншина на Дону тянулась укрепленная линия (ров, вал и четыре земляных крепости).

Но все эти укрепления не могли надежно обезопасить юго-восточные границы России. Самая крупная из крепостей — Астрахань, как увидел ее губернатор А.П.Волынский, была “пуста и совсем разорена”, во многих местах развалилась и “худа вся”.

Между тем обстановка на юго-восточных границах вот уже который год оставалась крайне напряженной. Здесь полыхала, не угасая, “малая” война между Россией и так называемыми владельцами порубежных земель, в большинстве мусульманами тюркского происхождения.

С заволжских степей набегали каракалпаки и киргиз-кайсаки (казахи): в 1716 году 3-тысячный отряд вторгся в Самарскую губернию, а в 1720 году киргиз-кайсаки доходили до Казани, сжигая селения, посевы, захватывая имущество и людей.

В 1717 году делисултан кубанский Бахты-Гирей привел татарскую орду под Симбирск и Пензу, захватив здесь и угнав в неволю несколько тысяч человек.

Русское Прикаспие (Гребенки, Терки) страдало от нападений ногайцев и кумыков (персидское подданство). В ноябре 1720 года они “явную войну начали” против терков и гребеней; к маю 1721 года русские потеряли 139 человек, 950 кибиток (еще 3000 человек) “иноверцев”, но захватили при этом 30 дворов терских татар и 2000 голов скота.

Летом 1720 года появилась опасность объединения кумыкских, черкесских и кубанских феодалов-кочевников под предводительством крымского хана для похода в нижние губернии России. А к 1722 году надвинулась угроза захвата Турцией Дагестана и Кабарды.

Как Дагестан, так и Кабарда представляли конгломерат множества мелких политических единиц — феодальных владений, гла-

вами которых являлись князья. Сильной центральной власти здесь не было, а бушевали мелко княжеские уособицы.

В 1720 году Петр предписал астраханскому губернатору А.П.Волынскому не оставлять без внимания Дагестан и Кабарду, склоняя в российское подданство дагестанских владельцев и кабардинских князей. Осенью 1721 года Петр предписал А.П.Волынскому выступить отрядом на Терек: сначала в крепость Терки, а затем в казацки Гребенские городки. “Добыв” Терки, он, где силой, а где и “увещеванием” заставил дагестанских владельцев просить о русском покровительстве. В Гребенях Волынский “уговорил” кабардинских князей примириться. От князей была принята присяга на верность русскому царю.

Но то, что в Дагестане и Кабарде владельцы признали свою зависимость от России, вовсе не означало реальной власти Петра I на этих землях. Андреевские владельцы, например, то и дело нападали на русские поселения Терки и Гребенские городки. Губернатор справедливо отписал Петру: “Мне мнится, здешние народы привлечь политикою к стороне Вашей невозможно, ежели в руках оружия не будет”.

Персия переживала глубокий упадок, и главной причиной тому явилось разорение крестьянства — армян, грузин, азербайджанцев, афганцев, лезгин и всех других покоренных народов, поставленных на край физического вымирания из-за жестокой эксплуатации феодалов. Страну потрясли восстания, в ней процветали бандитизм и сектантство.

Шахская казна часто оказывалась пустой, и шаху не на что было содержать войска.

Персидская пехота имела на вооружении уже устаревшее “фитильное ружье”, а конница была такой, что даже шахская гвардия из-за крайнего недостатка лошадей выступала “на ишаках и на мулах”. Слабовольный и погрязший в пороках шах Гуссейн (1694—1722 гг.), по словам А.П.Волынского, не властвовал над своими подданными, а сам был у них подданным.

В 1720—1721 гг. восстания вспыхивали в Курдистане, Луристане и Белуджистане. Захватившие в 1721 году Шемаху Дауд-Бек и Сурхай вели священную войну правоверных суннитов (т.е. лезгин и кызыкумьков) с еретиками-шиитами (персами) и намеревались захватить власть в Дагестане и Кабарде. Как узнал А.П.Волынский, Дауд-Бек замыслил “очистить от персов побережье от города Дербента до реки Куры”.

В это время Персия еле сдерживала нашествие афганских кочевых племен.

То, что Персия, потрясаемая восстаниями, слабела и к тому же подверглась нашествию афганцев, казалось, делало стратегические цели Персидского похода легко достижимыми. Однако с запада Персии угрожала турецкая агрессия и появилась боязнь, что шах сам перейдет под власть турецкого султана.

Закрывать доступ туркам в Прикаспий могли бы грузинское царство Картли и армянская провинция Карабах — владения, через которые турецкие войска только и могли пройти к Каспийскому морю, как через единственные ворота.

Утверждение России в Армении и Грузии запирало бы эти ворота и таким образом облегчало ей борьбу с мусульманскими феодалами. Но это могло повлечь за собой столкновение с той же Турцией и Персией, так как к началу Персидского похода западные области Армении и Грузии оставались под властью Турции, а восточные — Персии. Причем у Армении не было даже своей государственности.

Перед Персидским походом Петр I завязал оживленные переговоры с армянскими и грузинскими деятелями, стремясь заполучить Армению и Грузию как союзников. И в этом преуспел.

В ответ на его запрос гандзасарский католикос Исая писал: “Мы и весь народ армянский... от искреннего сердца, без перемены, всею мыслию и чистою совестью по означенной нам воли вашей и обещанию, под державу вашего величества поклониться желаем”.

Картлийский царь Вахтанг VI сообщал о своей готовности “принять службу” русскому царю. Это открывало как Армении, так и Грузии перспективу освобождения из-под турецкого и персидского гнета, а России обеспечивало тыл в борьбе за западные и южные персидские владения на Каспии.

2. Экспедиция в Хиву, посольства в Бухару и Персию

Еще в 1716 г. царь послал в Хиву экспедицию князя А.Б.Черкасского. Петр писал в инструкции: занять на восточном берегу Каспия гавань вблизи прежнего устья Амударьи (у Красноводского залива) и построить здесь крепость на 1 тысячу человек, склонить хивинского хана в российское подданство, а бухарского — к дружбе с Россией.

В петровскую “восточную стратегию” входили еще сверхзадачи: Черкасскому предстояло отправить в Индию посольство из куп-

цов, с ним должен был “под образом купчины” ехать поручик А.Кожин, отыскивая водный путь в Индию. Помимо того, велено было послать разведывательную партию на поиски золота, построить плотину на реке Амударье, чтобы повернуть реку по старому руслу в Каспийское море (Узбоя).

Идеи Петра и нынче поражают воображение — одна мысль поворота Амударьи чего стоит! Черкасскому были выделены в общем-то незначительные силы, сосредоточенные в Астрахани: три пехотных и два казачьих полка, отряд драгун, отряд татар, около 70 морских судов, а всего участников экспедиции насчитывалось 5 тысяч человек.

Черкасский начал свой поход в сентябре 1716 года, когда каспийская флотилия вышла из Астрахани, имея на борту войска, и двинулась вдоль восточного берега, останавливаясь для рекогносцировки и высадки войск. Так были заняты заливы Тюб-Караган, Александр-Бей и Красные воды. Здесь Черкасский незамедлительно развернул сооружение крепостей.

А весной 1717 года он уже пошел походом на Хиву, собрав для этого 2200 человек. Двигаясь на юго-восток, Черкасский приблизился к Аральскому морю и втянулся в долину Амударьи. Пока противодействия он не встречал, но, когда стал подходить к Хиве, у озера Айбугир подвергся нападению хана Ширгазы. Тот бросил на отряд Черкасского войско численностью 15—24 тысяч человек. Завязался упорный бой, который продолжался три дня. Казалось, хивинцы задавят русских своей численностью. Но этого не случилось. Русские сражались храбро, искусно используя укрепления и артиллерию. Ширгазы бой проиграл.

Тогда он пошел на хитрость. Вступив с Черкасским в переговоры, он предложил ему разделить отряд на пять частей якобы для того, чтобы наилучшим образом расселить войска и обеспечить провиантом. Черкасский принял предложение и тем самым погубил отряд. Хивинский хан напал на рассредоточенные его части и разбил их. Был убит и Черкасский. Экспедиция русских закончилась крахом.

У царя созрел замысел Персидского похода...

А за год до того Петр пошел на глубокую дипломатическую разведку, отправив в Персию посольство А.П.Волынского.

Волынский попал в Персию тогда, когда один за другим против шаха восставали подвластные ему народы: афганцы, лезгины, курды, белуджи, армяне. Империя переживала развал и безвольному шаху было не по силам его хотя бы приостановить. Волынский

сообщал Петру: “Думаю, что сия корона к последнему разорению приходит, если не обновится другим шахом...”. Он призывал Петра не медлить с началом Персидского похода.

В чем же состояла угроза? Дауд-Бек и Сурхай, подняв восстание против персидского господства, овладев Шемахой, выразили готовность признать верховную власть турецкого султана и просили его послать войска для принятия Шемахи.

Следовал один вывод: надо овладеть на персидском берегу Каспийского моря выгодным плацдармом и предупредить таким образом турецкое вторжение.

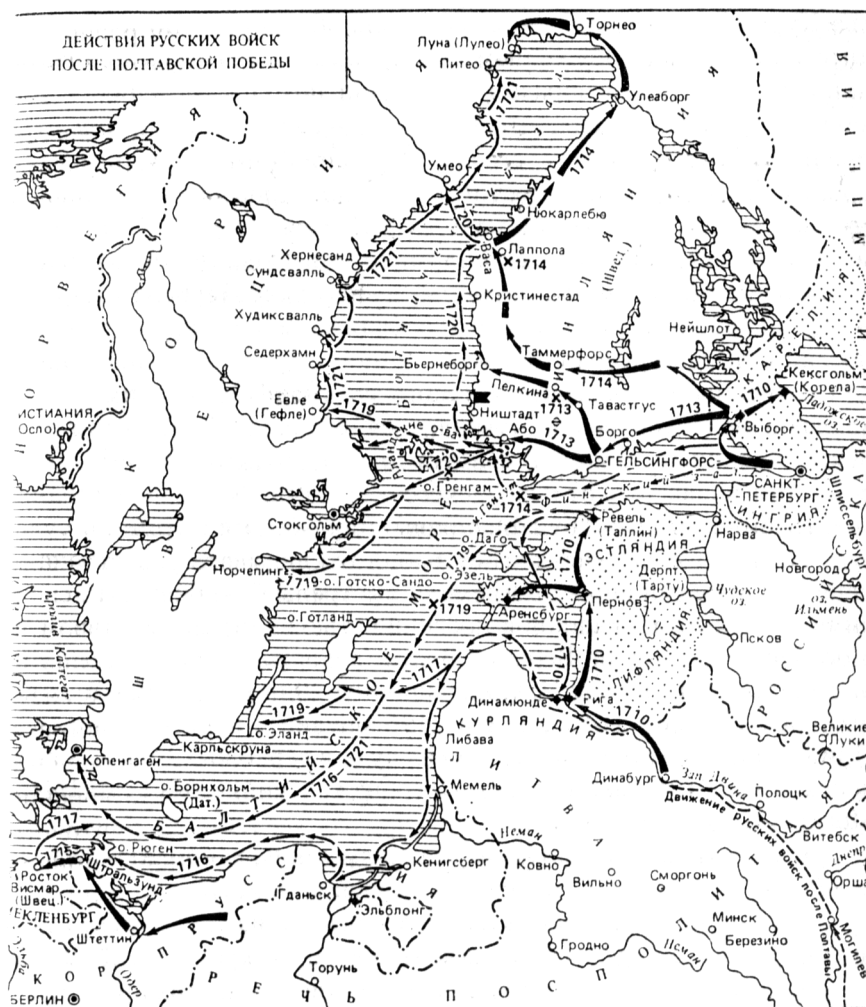
Петр писал Вахтангу VI в 1722 году: “того ради поспешили, дабы хотя фут в персидских рубежах получить”.

3. Замысел и сосредоточение сил

15 июня 1722 года когда русские войска уже плыли на судах вниз по Волге к Астрахани, Петр I послал манифест в Астрахань, Шемаху, Баку и Дербент с призывом к жителям не покидать своих домов при приближении русского войска. Манифест, и словом не обмолвившийся об объявлении войны Персии, указывал лишь на то, что “подданные шаха — лезгинский владелец Дауд-бек и казыкумский владелец Сурхай — восстали против своего государя, взяли приступом город Шемаху и совершили грабительское нападение на русских купцов. Ввиду отказа Дауд-бека дать удовлетворение, заявлял Петр, “принуждены мы... против предреченных бунтовщиков и всезлых разбойников войско привести”. “Войско привести” имело, однако, не тактический, а стратегический размах.

Стратегическая цель русского похода в персидские владения заключалась в том, чтобы овладеть Шемахой и не допустить в нее, да и вообще на западный и южный берега Каспия турецкие войска.

Конкретно замысел выражался в том, чтобы в качестве ближайшей стратегической задачи (в кампании 1722 г.) овладеть Дербентом, Баку и Шемахой, причем главным делом объявлялось занятие Шемахи, так что поход в то время называли “шемахинской экспедицией”. Далее через Шемаху Петр замышлял вести действия в западном направлении (Гянджа, Тифлис, Еривань), то есть в глубь Закавказья, по западному берегу Каспия и долине Куры, обходя горы Большого Кавказа, но перед этим создать линию операционных баз, которая бы включала Астрахань — остров Четырех бугров — крепость Святого Креста — Дербент — Баку — ус-

тье Куры. Это нужно было сделать для обеспечения армии провиантом, людьми и вооружением, боеприпасами. Действия в западном направлении, таким образом, включали поход в Армению и Грузию. Петр рассчитывал, что в то время как русская армия будет продвигаться к Дербенту, его союзник царь Картли Вахтанг VI откроет военные действия против Дауд-бека, присоединив к себе армянские войска, займет Шемаху и пробьется к берегу Каспийского моря на соединение с русской армией. По предположению Петра соединение могло бы состояться на пути между Дербентом и Баку. В июле 1722 года Петр эти свои соображения передал Вахтангу VI, послав к нему курьера с письмом.

Глубинная суть стратегического замысла Петра таким образом заключалась в том, чтобы утвердиться на западном и южном побережье Каспийского моря и совместно с грузинскими и армянскими войсками освободить от персидского господства Восточное Закавказье, разбив при этом “бунтовщиков” Дауд-бека и Сурхая.

Петр I как полководец не любил откладывать раз принятого решения в долгий ящик. Отгремели выстрелы Северной войны — и он принялся с лихорадочной поспешностью за строительство судов и островских лодок на Верхней Волге (в Торжке и Твери), поручив надзор за ним генералу Н.А.Матюшкину. 20 пехотных четырехротных батальонов с артиллерией (196 орудий), переброшенных из Прибалтики, Матюшкин посадил на суда в верховьях Волги, а гвардейские полки (Семеновский и Преображенский) сажал сам Петр в Москве. С ними и поплыл.

В Саратове Петр встретился с калмыцким ханом Аюкой и повелел ему отправить в поход отряд своей конницы.

Регулярные драгунские полки выступили из-под Курска сухим путем. Сухим же путем шли казачьи части с Украины и Дона.

К июлю Петр сосредоточил в Прикаспии (в Астрахани и на Тереке) значительные морские и сухопутные силы. Пополненная Каспийская флотилия имела 3 шнявы, 2 гекбота, 1 гукер, 9 шуйт, 17 тялак, 1 яхту, 7 эверсов, 12 гальотов, 1 струг, 34 ластовых судна и множество островских лодок. Сухопутные силы включали: пехоту в составе 4 полков и 20 батальонов численностью 21495 человек; регулярную конницу (7 драгунских полков); украинских казаков — 12000 человек; донских казаков — 4300; калмыков — 4000 человек.

6 августа, когда Петр уже двигался с войском к Дербенту, на реке Сулак присоединились со своими отрядами кабардинские князья Мурза Черкасский и Аслан-Бек.

Командование всеми этими силами Петр I взял на себя. Персидс-

кий поход начался и, казалось, успех сам шел к нему.

4. Кампания 1722 года

Еще до того, как оставить Астрахань, царь распорядился конному соединению — трем драгунским полкам и донским казакам атамана Краснощекова под общей командой бригадира Ветерани — атаковать и взять Андрееву деревню, выйти к устью реки Аграхани и оборудовать здесь “пристани”, так что когда бы подошла Каспийская флотилия, она без помех высадила бы здесь пехоту.

Ветерани до того стоял на Тереке близ казачьего городка Гладково, вышел 15 июля, а выдвинулся к Андреевой деревне лишь к 23 июля. Здесь ему пришлось выдержать бой с пяти тысячным отрядом андреевского владельца. Ветерани бой выиграл, но задержался, так что, когда его передовые конные отряды 2 августа подошли к устью реки Аграхани, здесь Петр уже высадил пехоту с островских лодок.

Царь вывел Каспийскую флотилию из Астрахани 18 июля, а спустя десять дней уже строил на Аграханском полуострове ретраншемент. В это время пять полков драгун под командой бригадира Г.И. Кропотова и украинские казаки атамана Д.П. Апостола, идя “посуху”, только еще выдвигались к Аграханскому полуострову.

Петр не стал ждать всей конницы, а с пехотой и подоспевшим конным соединением Ветерани 5 августа двинулся на Дербент. Через день у реки Сулак его догнал Апостол. Кропотова все не было, и Петру пришлось оставить стеречь переправу отряд пехоты под началом М.А. Матюшкина.

Положение в Дербенте было более чем тревожным. В те дни, когда Петр шел к Дербенту, наиб города Имам-Кули-бек доносил ему: “...ныне тому другой год, что бунтовщики, собравшись, Дербенту великое разорение учинили...”

Все это требовало безотлагательных и смелых решений, что и было в духе Петра. Он распорядился: 1. Командирам эскадр капитанам К.И. Вердену и Ф. Вильбоа, уже вышедшим в море, все суда, груженные провиантом, артиллерией и боеприпасами, вести прямо к Дербенту”; 2. подполковнику Наумову ехать в Дербент, взяв с судов Вердена солдат и драгун, ввести их в город и принять над ними команду.

Петр таким образом замыслил ускорить овладение Дербентом, введя в него передовой отряд.

Как же развернулись события? Капитан Верден вел свою эскадру

— 25 судов — от острова Чеченя и под стенами Дербента оказался уже 15 августа. В тот же день здесь объявился со своей командой в числе 271 человек и подполковник Наумов. Наиб и не подумал сопротивляться.

Тем временем русская армия, ведомая Петром, продвигаясь, без боя заняла столицу шахмальства тарковского Тарки. Стояла жара, и от нее некуда было спрятаться: вокруг простиралась черная, обгоревшая от солнца степь. Людей и лошадей мучила жажда...

В тот день, когда капитан Верден и подполковник Наумов легко завладели Дербентом, растянутые на много верст походные колонны русской армии, подойдя к реке Инчке-Аус, напоролись на развернутый в боевой строй 10-тысячный отряд султана утмышского Махмута и 6-тысячный — усмея хайтакского Ахмет-хана. Петр быстро перестроил войска из походного положения в боевое и те выдержали атаку горцев. А затем бросил на смешавшийся боевой порядок горцев драгунские и казачьи полки, и те опрокинули неприятеля. Русская кавалерия преследовала его на расстоянии 20 верст.

Пройдя через владения усмея хайтакского, русская армия 23 августа вступила в Дербент.

Как только Вахтанг VI об этом узнал, он с 30-тысячным отрядом вступил в Карабах, выбил из него лезгин и овладел Гянджей. К этому городу подошло и 8-тысячное армянское войско под командованием гандзасарского католикоса Исаяи. Здесь грузинским и армянским войскам предстояло встретиться с русской армией и, взаимодействуя, брать далее Шемаху.

На Баку и Шемаху хотел было сразу идти и Петр.

Однако обстоятельства заставили поступать совсем по-другому. Шторм, начавшийся 27 августа, разбил 12 ластовых судов из эскадры Вердена, груженных мукой, при устье реки Миликент вблизи Дербента. А эскадру Вильбоа, в составе 17 ластовых судов, груженных мукой и артиллерией, шторм застиг в начале сентября близ Аграханского полуострова: одни суда разбил, другие выбросил на мель. Крушение двух эскадр означало потерю провианта и чуть ли не всей артиллерии.

Все это заставило Петра, скрепя сердце, отказаться от продолжения похода. Он оставил гарнизоны в Дербенте, Аграханском ретраншементе и в заложенной на реке Сулак крепости Святого Креста и возвратился в октябре в Астрахань. А в ноябре уехал в Санкт-Петербург, поручив командование армией генералу М.А.Матюшкину.

В это время грузинско-армянское войско, командование которым

принял Вахтанг VI, стояло под Гянджей в ожидании русской армии. Но узнав, что она ушла от Дербента, Вахтанг и Исайя, простояв два месяца, возвратились с войсками в свои владения.

Таким образом, летом 1722 года Петру не удалось достичь всего задуманного. Русская армия лишь заняла Аграханский полуостров, развилку рек Сулака и Аграхани (крепость Святого Креста) и Дербент.

Вопросы к главе VII:

1. Почему Армения и Грузия способствовали Петру I в укреплении его власти на берегах Каспийского моря?
2. Чем закончился персидский поход Петра I?

Глава VIII

РУССКАЯ АРМИЯ И ФЛОТ ПОСЛЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

1. В сторону от петровских предназначений

15 февраля 1730 г. до того вдовствующая герцогиня Курляндии, а ныне императрица Анна Иоановна (1730—1740 гг.), дочь царя Ивана V Алексеевича, брата Петра I, торжественно выехала в Москву, недавно снова ставшую столицей, с большой свитой курляндских дворян, среди которых выделялся признанный фаворит Э.И.Бирон. Но чтобы получить на это право, императрица подписала кондиции Верховного тайного совета, ограничивавшие власть императрицы вплоть до изъятия из ее ведения гвардии и вообще вооруженных сил. А уже 25 февраля она, опираясь на “штыки” гвардейцев Преображенского и Семеновского полков, в присутствии Верховного тайного совета и Сената, разорвала сии кондиции и обрела таким образом полную самодержавную власть.

Не прошло и четырех месяцев, как 1 июня 1730 г. она подписала указ об образовании Воинской (Военной) комиссии под председательством вице-президента Военной коллегии Б.Х.Миниха; комиссии вменялось “исправление многих непорядков и помешательств, явившихся и происходивших в армии после смерти Петра Великого”. То была третья комиссия, получающая столь важную задачу, с того времени, как умер император. Первая же была создана Верховным тайным советом еще в конце царствования Екатерины I (1725—1727 гг.). Причина, побудившая Верховный тайный совет пойти на учреждение Военной (Воинской) комиссии была достаточно основательной: перейдя на мирное положение, армия и флот по-прежнему “съедали” более половины бюджета, тогда как страна была разорена длительной Северной войной. Комиссии было предписано “разсмотреть как о сухопутной армии, так и о флоте, чтобы оные без великой тягости народной содержаны были...”

Тем временем сенат перестал выделять денежные средства для содержания армии. Военная коллегия была вынуждена прибегать к предоставлению длительных отпусков до трети личного состава и переводить войска на натуральное самообеспечение. А это, как показала приведенная в 1729 г. инспекторская проверка, привело к тому, что внутренний порядок в армии “весьма расстроился”.

Указ императрицы Анны Иоановны предписывал Воинской комиссии, во-первых, “чтобы учиненное от Императора Петра Великого учреждение крепко содержать”, то есть чтобы все мероприятия по духу были проникнуты Петровскими началами, и, во-вторых, чтобы результатом этих мероприятий явилась возможность “содержать армию всегда в постоянном добром и порядочном состоянии и, сколько при том возможно, без излишней народной тягости и напрасных Государственных убытков”.

Указ перечислял 15 пунктов, которые Воинской комиссии предстояло обсудить и вынести на утверждение императрицы и охватывали они почти все стороны жизни и деятельности армии и флота, включая положения о численности и штатах войск, их комплектовании и довольствии, управлении и т.п.

Анна Иоановна не чувствовала себя достаточно прочно сидящей на русском троне, опасаясь, как бы гвардия, вернувшая ей “самодержавство”, вдруг не отняла его. Вот почему она искала и находила опору среди прибалтийских дворян, и прежде всего курляндских, и мало в чем доверяла русскому дворянству (той же гвардии), тем более что и Бирон твердо стоял на этом. Фаворит Эрнст-Иоганн Бирон, курляндский герцог (с 1737 г.) не занимал какого-либо государственного поста, а лишь пользовался неограниченным влиянием на императрицу и этого было достаточно, чтобы фактически руководить государственными делами. Бирон не брезговал при этом вымогательством, грабил казну, разорял казенные заводы. На ключевых постах в аппарате государственного управления у него сидели “купленные” им люди преимущественно из числа прибалтийских немцев. Так, управление горной промышленностью — генерал-бергдиректориумом было доверено им некоему Шембергу, а коммерц-коллегией — барону Менгдену, военное дело и командование армией во время двух кампаний (польской и турецкой) было отдано Миниху. Все это получило в русской истории хлесткое название “бироновщина”. Бурхад-Кристоф (Христофор Антонович) Миних, уроженец Ольденбурга, инженер по образованию, поступил на службу в русскую армию в 1721 г., то есть еще при Петре Великом в чине генерал-поручика. До того успел послужить в четырех западноевропейских армиях, занимаясь инженерным делом, причем как раз в пору, когда военное искусство на Западе топталось на месте. Петр и в России поручил ему инженерные дела, в частности, возведение шлюза на реке Тосна, строительство Обводного и Ладожского каналов.

Взлет Миниха на верх военной иерархической лестницы начался фактически с воцарения Анны Иоановны, когда он не без участия Бирона стал вице-президентом Военной коллегии, затем был назначен Председателем Воинской комиссии, а в 1732 г. — Президентом Военной коллегии. Человеком он был властолюбивым, жестоким, склонным к интригам.

Что же было сделано Комиссией?

Комиссия прежде всего рассмотрела те пункты Указа, в которых содержались указания о численности и штатах войск, а наряду с этим и о способах “генеральных смотров и мунстрования” полков. Пункты о численности и штатах войск Комиссия обсудила довольно быстро — к апрелю 1731 г. Тогда же Сенат одобрил предложения по этим пунктам, а императрица их утвердила.

Императрица Анна Иоановна (1693—1740 гг.).
Гравюра Ж.Меку по оригиналу А.Беннера. 1817 г.

Наиболее важным новшеством здесь явилось введение для полков пехоты и конницы двух штатов — мирного и военного времени; состав полка военного времени разнился теперь от состава его в мирное время. Хотя эта разница и была крайне незначительна (1 офицер и 128 нижних чинов), она все же служила “облегчению народа в рекрутах” и удешевляла содержание армии в мирное время. Наряду с этим Миних добился образования еще одного гвардейского полка — Измайловского, а в пехоте — сокращения числа полков на 7 единиц (очевидная цель — экономия расходов на содержание армии). Помимо того, уменьшался нестроевой элемент с 14% до 10% от общего состава полка.

В коннице обрело жизнь еще одно нововведение — Воинская комиссия переформировала три драгунских полка (Выборгский, Невский и Ярославский) в кирасирские. В драгунских полках число нестроевых сократилось с 18% до 16%, в кирасирских же — увеличилось до 20%.

Все эти незначительные перемены мало сказались на организационно-штатной численности пехоты и кавалерии. Численность войск и штаты 1731 г. остались близки к штатам 1720 г. Армия по штатам 1731 г. имела: а) полевых полков: 4 гвардейских, 55 пехотных, 32 драгунских; б) 41 гарнизонный пехотный полк и 6 гарнизонных драгунских полков.

Теперь полевая пехота по штатам военного времени состояла из трех гвардейских и 50 армейских полков и представляла боевую силу до 750000 нижних чинов при 2200 офицерах. А полевая кавалерия включала один гвардейский, три кирасирских и 29 драгунских полков; ее боевую силу составляли 31000 нижних чинов при 1200 офицерах.

Русская пехота и кавалерия в достатке снабжались оружием отечественного производства. Изготовлением ружей и пистолетов по-прежнему занимались Тульский и Сестрорецкий заводы. Наиболее мощным оставался Тульский оружейный завод. За 1724—1748 гг. он произвел новых ружей и пистолетов 450 тыс. Это целиком покрывало потребности армии в оружии.

Когда на заседаниях Воинской комиссии рассматривались численность и штаты войск, острые дебаты развернулись о боевом использовании пехоты и конницы. И тут со всей очевидностью обозначился ее отход от петровских “находок”. Воспитанный на идеях классической линейной тактики, Миних настоял на упразднении гренадерских полков и гренадерских рот, а это значило, что он не-

Мюних (Миних) Б.-Х. (1721—1767 гг.).
Гравюра Дж. Гайда по оригиналу А. Винда,
Середина XVIII века.

дооценивал оружие ближнего боя (гранат и штыков). Это, безусловно, ограничивало ударную силу армии.

Воинской комиссии предстояло составить новые штаты артиллерии и фортификации. Хотя в действии находились штаты Петра, однако под давлением обстоятельств, с течением времени штаты артиллерии претерпевали незначительные изменения.

Осталось неизменным введенное Петром Великим разделение артиллерии на полковую, полевую, осадную и крепостную. Но с 1737 г., видимо, под влиянием развернувшейся войны с Турцией, состав полковой артиллерии был увеличен более чем вдвое: каждому пехотному полку

было придано вместо двух по четыре трехфунтовых пушки (по две на батальон), а драгунскому полку — по две таких же пушки. Хотя это и снизило подвижность армии, но зато сделало более ощутимой пользу, какую артиллерия приносила в боевых столкновениях.

Комиссия сочла необходимым увеличить состав полевой артиллерии и свести ее в бригады, что, несомненно, улучшило управление ею в бою. По штатам 1731 г. полевая артиллерия включала 63 орудия, в том числе пушек — 44, мортир — 3, гаубиц — 16. Полевую артиллерию представляли орудия трех калибров — 8,6 и 3-х фунтовые пушки. Дальность стрельбы равнялась: 8-ми фунтовой — 700 шагов, 6-ти фунтовой — 650 шагов, 3-х фунтовой — 500 шагов.

С 1737 г. состав полевой артиллерии был еще более увеличен, что произошло благодаря введению в него легких трехфунтовых пушек. Однако из-за того, что Миних перелил все петровские орудия полевой артиллерии по западноевропейским образцам, она стала тяжелее и менее подвижной. Так, вес 8-фунтового орудия “старой” конструкции не превышал 50 пудов, а теперь стал равным 72 пудам. “Старая” 6-фунтовая пушка весила до 36 пудов, теперь же — 55.

Артиллерия не имела своих уставов, а пользовалась положениями шведского устава, переведенного на русский язык в 1730 г. Стрельба была довольно сложным делом. Установка орудия, зарядание, наводка орудия и производство выстрела требовали 48 приемов.

В “эпоху Миниха” осадная артиллерия насчитывала 24-фунтовых пушек — 40, 18-фунтовых пушек — 20, 9-пудовых мортир — 4, 5-пудовых мортир — 40, 6-фунтовых железных мортир — 200. Все они были сосредоточены в трех корпусах (парках) — в Петербурге, Белгороде и Киеве.

Крепостная артиллерия стояла в четырех парках — по 240 орудий разных калибров в одном парке — в Москве, Петербурге, Брянске и Новопавловске. Артиллеристы по-прежнему были сведены в один артиллерийский полк. По штату 1731 г. этот полк имел 44 офицера и 1012 солдат, сведенных в 10 рот.

Организация инженерных войск осталась петровской. Но инженерное дело вообще немало пострадало от “новаций” Военной комиссии. Сам Миних упорно держался канонов западноевропейской кордонной стратегии: располагать войска вдоль границы и удерживать крепости от наступающего противника, а действия — преимущественно оборонительные — вести на его коммуникациях, и в духе ее за время с 1732 по 1740 гг. навязал устройство укрепленных линий на южных границах. Наиболее важной явилась Украинская линия между Днепром и Северским Донцом протяженностью более 300 км. Она представляла собой непрерывный вал, усиленный 15 крепостцами, между которыми еще находились реданы, люнеты и редуты. За линией вала устраивались блокаузы — помещения для войск. Помимо Украинской были построены Царицинская, Закамская и линии на границе азиатских степей.

В русле кордонной стратегии лежала и усиленная деятельность Миниха по так называемому “исправлению”, то есть реконструкции крепостей, главным образом прибалтийских, недавно присоединенных к России.

Не избежала перемен и ландмилиция — подвижная поселенная сила (поселенные полки). Если раньше она несла преимущественно внутреннюю службу, ныне же ей предстояло больше обращаться к внешней службе (охране границ), усиливая состав полевых войск. На ландмилицию была возложена обязанность обороны границы вдоль всей Украинской линии от Днепра до Донца, вдоль Закамской линии. По сравнению с петровским временем она была значительно увеличена и образовывала корпус Украинской ландмилиции из 20 конных полков и Закамской ландмилиции из трех конных

и одного пешего полка. Общая же численность ландмилиции при Минихе достигала 27000 человек.

В русскую армию по-прежнему входили иррегулярные войска, как они входили в нее и при Петре Великом. Однако численный состав их заметно увеличился. Донские казаки насчитывали до 15000 человек, Малороссийские — до 20000, Чугуевский казачий полк имел у себя 500 человек, Слободские казаки — до 5000 человек, Запорожские казаки — несколько тысяч, к ним примыкали два гусарских полка (Сербский и Венгерский) и одна гусарская рота (Грузинская), отряды калмыков и волохов.

В армии постоянной организации дальше полка не было; как и раньше, организация дивизий, бригад оставалась неустойчивой.

Высшее центральное управление по-прежнему представляла Военная коллегия, которая состояла из Президента, Вице-президента и двух советников. При коллегии находились: главная канцелярия и особое “повытье”.

Если главная канцелярия ведала комплектованием, устройством, службой и инспектированием войск, выдачей патентов на чины, увольнением штаб- и обер-офицеров со службы, утверждением приговоров над военнослужащими и делами казачьих войск, то особое “повытье” занималось делами о беглых солдатах, о приеме на службу недорослей и об отставке нижних чинов.

Миних установил, что Военная коллегия наблюдает за деятельностью контор с местопребыванием в Петербурге: 1) генерал-крига-комиссариатской (сбор податей для военного ведомства и отпуск денег в другие конторы); 2) обер-цалмейстерской (денежное довольствие); 3) амуничной или мундирной (вещевое довольствие); 4) провиантский (провиантское и фуражное довольствие и ремонтирование); 5) артиллерийской канцелярии (дела артиллерии); 6) фортификации (инженерные дела).

К центральному военному управлению причислялись учрежденные еще в 1731 г. генерал-инспектор и три военные инспектора. Им было предписано два раза в год проводить инспектирование войск; помимо того, включались в реестр проверки госпитали, лазареты, провиантские магазины.

В мирное время инспекторы присутствовали на заседаниях Военной коллегии. С началом войны генерал-инспектор и два инспектора вели работу в действующей армии, третий брал под инспекторский надзор гарнизонные войска.

Новое устройство Военной коллегии имело ту выгоду, что установ-

ливалось единство военного управления.

Местные войска, как и крепости, оставались в ведении генерал-губернаторов и комендантов; на эти лица была возложена обязанность заниматься набором рекрутов и снабжением войск.

Изменений в комплектовании войск нижними чинами по сравнению с царствованием Петра I по существу никаких не произошло. По-прежнему господствовала рекрутская повинность, охватывавшая податные сословия, в первую очередь крестьян и беднейшее городское население. Правда, начиная с 1731 г. Сенат пошел на освобождение определенных слоев общества от рекрутских наборов, заменяя призыв рекрута денежным взносом. Но, как это очевидно, льготной могли пользоваться лишь богатые люди из купечества и духовенства.

Не брали в солдаты «катских людей» — преступников.

Тяжесть воинской службы и, главное, ее продолжительность (25 лет) заставляли ставить вопрос о сокращении срока службы до 10 или 15 лет. Но эти предложения наталкивались на возражения помещиков и не принимались. Между тем, в «эпоху Миниха» служба стала еще тяжелее во многом из-за того, что он ввел в обучение прусские начала, сведя его к муштре. Все это толкало рекрутов на побег, которые подчас принимали угрожающие размеры. Как это водилось и раньше, беглецов ловили, казнили или ссылали на казнь. От случая к случаю проводилась амнистия, но лишь тем, кто добровольно возвращался в войсковую часть.

Комплектование офицерами шло на тех же основаниях, как и раньше: офицеров из числа дворян готовила большей частью гвардия. Дворянство тяготилось обязательной пожизненной службой в армии и добилось ее отмены в 1736 г. По новому закону дворяне после 25 лет службы могли уходить в отставку.

Запись дворян в полки устанавливалась с 7 лет; до 20 лет молодые люди числились в «науках», после чего призывались на службу. Эти правила были подтверждены в 1737 и 1740 гг.

По-прежнему немалый поток молодых дворян вливался в армию через военные школы (артиллерийская, инженерная), а с 1731 г. и через Шляхетский кадетский корпус (первые выпуски — 200 чел.). В учебную программу корпуса вошли: арифметика, геометрия, фортификация, артиллерия, рисование, шпажное искусство, верховая езда и прочие «воинскому искусству потребные науки». Помимо того, кадеты изучали историю, географию, юрисдикцию, танцевание, музыку.

Довольствие войск (денежное и вещевое) Миниху удалось изме-

нить во многом. С 1736 г. русские офицеры получили прибавку к жалованью, которая, наконец, уравнила его с окладами иностранцев. Тогда же пехотных офицеров вооружили ружьями со штыками и шпагами вместо алебард и эспантонов.

В вещевом довольствии войск победил “прусский дух” Миниха: пехотные полки с 1730 г. стали носить неудобные немецкие мундиры, на всю армию получило распространение введенные Петром I лишь для артиллерийских частей ношение кос, штиблетов, манжет и пудрение, что, разумеется, лишь усложняло экипировку.

Пожалуй, наиболее отчетливо склонность Миниха к заимствованию немецких образцов сказалась в дополнениях к Воинскому Уставу Петра I, что устанавливал правила строевого и полевого обучения войск.

В 1731 г. Миних ввел для пехоты так называемую “экзерцицию пешу” или “Прусскую экзерцицию”, которая, если и дополняла Петровский Воинский Устав, то в худшую сторону.

В строю требовалось полное единообразие в исполнении ружейных приемов, стрельбы, построений и марширования, что на практике оборачивалось муштрой в строевом обучении. В стрельбе принимали участие все люди роты, причем первая шеренга стреляла с примкнутыми штыками, стоя на коленях (при Петре первая шеренга не стреляла), а отстреляв, уходила назад под команду “направо кругом”. Кроме разделения полка на роты, он в строю еще делился на дивизионы, по две роты в каждом; якобы для удобства стрельбы дивизионы, кроме обычного расчета на 8 плутонгов (по 4 в роте), имели еще расчет на 6 плутонгов.

Строи были: а) развернутый; б) состоящий из линии колонн, взводных и двухвзводных и в) каре, построение которого производилось “в силе Воинского Устава”. При всем этом “Экзерциция пеша” отказывалась от обучения штыковому бою, чем был весьма силен солдат петровского времени, и фактически сводила все обучение к строевой подготовке и приобретению навыков мало прицельного ружейного огня.

Для кавалерии Миних ввел в 1732 г. немецкий устав “Кирасирская экзерциция”. Кавалеристов стали обучать больше ведению огня из карабинов и пистолетов с коня. “Кирасирская экзерциция” пренебрегала обучением действию холодным оружием.

Правда, когда началась русско-турецкая война, а точнее с 1736 г., в обучении и тактике войск подул хотя и слабый, но свежий ветер перемен. В том году Миниху пришлось под давлением неизбежных боевых столкновений с неведомым ему противником пору-

чить генерал-майору В.В.Фермору составить “Диспозицию боевого порядка и маневров в генеральной баталии с турками”. Диспозиция эта кое-что взяла из петровского военного наследия.

Вот ее основные положения.

- 1) Войну необходимо вести наступательную и стараться перенести ее в неприятельскую страну. 2) Лучшим средством решения дела является бой — “должно искать сражения, чтобы победить неприятеля”. 3) Выиграть бой можно только тогда, когда к нему достаточно подготовлены “на основании всех доступных расчетов”. 4) Подготовка к бою требует: а) хорошего знания противника; б) хорошего знания сильных и слабых сторон своей армии...; в) решительного и энергичного образа действий со стороны начальников; г) хорошей подготовки начальствующих лиц в управлении войсками и знания тактических положений — “как атаковать, как драться, как стрелять и как обороняться”; д) храбрости, “бесстрашный и бодрый дух всех чинов армии”.

“Диспозиция” выставляла требование “прежде всего армию учить только тому, что придется делать в бою”. Для пехоты она указывала четырехшереножный развернутый строй. Открывать огонь рекомендовалось с расстояния не большего, чем на половину ружейного выстрела. При этом пехота в ожидании боя должна была оставлять в обозе шинели, ранцы, а также шпаги.

Артиллерии “Диспозиция” указывала: полковые орудия держать за флангами батальона, чтобы неприятель не мог их преждевременно заметить. Полевая артиллерия должна располагаться на возвышенности или на одной линии с пехотой.

Коннице она давала только два указания: 1) драгунам, как правило, запрещалась стрельба с коня и 2) в пешем строю драгуны должны действовать так же, как пехота, однако, только в пределах самого необходимого.

“Диспозиция” генерала В.В.Фермора, однако, не заменяла принятые в армии уставы, а они говорили о том, что тактика русских войск оставалась линейной. Для боя пехота разворачивала боевой порядок в две-три линии с расстоянием между линиями 300—450 шагов. При этом вторая или третья линия являлась резервной. Кавалерия стояла на флангах, (а иногда между линиями) в развернутом строю. Артиллерия обычно выдвигалась вперед, занимая позицию перед фронтом.

Бой начинали орудия больших калибров, открывая огонь с дистанции в 1,5 км, затем вступали в дело орудия калибром поменьше с расстояния 500—899 м и, наконец, последними стрельбу вели полко-

вые трехфунтовые пушки в 150—200 шагах от первой линии неприятеля. Только после этого открывался ружейный огонь почти в упор с дистанции 60—80 шагов. Затем первая линия шла на штыковой удар.

Трудное время переживал выпестованный Петром флот. Член Верховного тайного совета, он же первый президент Адмиралтейств-коллегии, сподвижник Петра I генерал-адмирал Ф.М.Апраксин к концу Северной войны имел под началом сильный флот: 34 линейных корабля, 15 фрегатов, 77 галер и 26 судов других классов; насчитывал личного состава до 27 тыс. человек. Россия по праву стала великой морской державой.

После смерти Петра I российский флот однако стал мало-помалу приходить в упадок: верфи оказались почти заброшенными, корабли едва поддерживались в боевой готовности, строительство новых судов сворачивалось. При Екатерине I было построено всего несколько кораблей и до 80 галер. С воцарением Петра II из соображений экономии были даже запрещены дальние плавания.

Когда самодержавная власть перешла к Анне Иоановне, то подобно Воинской комиссии для армии, была создана Военная морская комиссия (1732 г.), руководство которой принял А.И.Остерман. Под влиянием Бирона и Остермана в это время среди членов высших органов власти — Сената и Кабинета ее императорского величества возобладала точка зрения, что Россия является великим сухопутным государством, и большой флот ей не нужен. На самом же деле за этим стояло лишь стремление снизить расходы на флот, что можно было сделать, лишь уменьшив его численность.

Военная морская комиссия в том же 1732 г. представила Сенату предложения, согласно которым численность флота устанавливалась в 27 линейных кораблей, 6 фрегатов, 2 прама, 3 бомбардирских судна и 8 пакетботов. Сенат утвердил эти предложения, таким образом, численность крупных кораблей снижалась более чем на треть.

Экономия расходов на флоте далее привела к тому, что к началу 40-х годов русский флот остался всего с 20 линейными кораблями, 14 фрегатами и 40 судами других классов, годными для плавания. Дальнейшее его падение было приостановлено императрицей Елизаветой.

Таким образом, с наступлением “эпохи Миниха” и вплоть до начала 40-х годов была предпринята попытка увести всю организацию русских вооруженных сил, их боевое обучение в сторону от петровских предписаний, перестроив ее во многом по прусскому образцу.

2. Борьба за польское наследство

1 февраля 1733 г. скоропостижно скончался польский король Август II. Это событие стало нечто вроде горящей спички, поднесенной к фитилю, протянутому к бочке с порохом: вот-вот в Европе должна была вспыхнуть еще одна война, на сей раз за польское наследство. Ей предстояло дать ответ на животрепещущий вопрос: кто станет преемником Августа II на польском троне?

В поиски ответа втянулся добрый десяток европейских стран.

Еще в конце 20-х — начале 30-х годов Австрия, Швеция и Пруссия проектировали, в случае кончины польского короля, “раздел” Речи Посполитой. Она таким образом как государство исчезала.

Однако это никак не устраивало Россию, которая в этом случае оставалась бы лицом к лицу на западной границе с той же Австрией, Швецией и Пруссией, отношения с которыми складывались то как дружественные, то как враждебные, то как просто неустойчивые.

России же Речь Посполитая нужна была как добрый сосед, дружелюбие которого оставалось бы неизменным и которому было бы не чуждо ее влияние и даже покровительство. Тем более что в давних отношениях с Польшей сохранялись пока еще нерешенные задачи.

Россия по-прежнему хотела бы воссоединения с теми украинскими и белорусскими землями, которые еще находились под польским владычеством (Правобережная Украина и Белоруссия). Но Август II противился этому. К тому же он оттягивал признание императорского титула за русскими царями и отказывался гарантировать русские завоевания в Прибалтике, ибо сам хотел прибрать к рукам Лифляндию. Претендовал он и на Курляндию.

Анна Иоановна желала видеть на польском троне саксонского курфюрста Фридриха-Августа (сына Августа II), рассчитывая, по-видимому, уладить с ним все эти вопросы при определенных своих обязательствах.

Но против этого восстала Франция. Она упорно “проталкивала” на престол своего ставленника — Станислава Лещинского, который за годы изгнания успел стать тестем французского короля и о котором было заведомо известно, что он, как и Людовик XV, враждебно относится к России.

Станислав Лещинский на польском престоле устраивал и Швецию. Она оставалась врагом России. Узел противоречий вокруг польского вопроса стягивался все туже.

В ноябре 1732 г. австрийский посланник в Петербурге обратился с предложением к кабинету ее императорского величества в

случае смерти Августа II проводить общие действия при избрании в Польшу нового короля. В ответ он получил заявление о намерении России препятствовать даже военной силой избранию Станислава Лещинского.

Но что после кончины Августа II происходило в самой Речи Посполитой?

Она переживала политический развал. Одна группа магнатов и шляхты с ориентацией на Францию стояла за то, чтобы избрать королем Польши Станислава Лещинского. Так как в сейме за представителями этой группы оказалось большинство (не без обильных подкупов), то когда в сентябре 1733 г. он собрался на элекционную (избирательную) сессию, Станислав Лещинский был избран королем Польши. Однако утвердиться на престоле ему не удалось. На стороне его противников из среды польско-литовской шляхты стояла литовская армия, так что произошли вооруженные столкновения с отрядами “большинства” магнатства и шляхты.

В это время “меньшинство” сейма сочло за лучшее уйти в Прагу (предместье Варшавы). Станислав Лещинский, не имея здесь войск, ограничился лишь выпуском универсалов с призывом к “Посполитому рушению”, а 22 сентября бежал в Гданьск — ожидать вооруженной французской экспедиции. Ждал он и движения в свою защиту Швеции, Пруссии и Турции.

Но еще 19 августа в Варшаве между русским представителем Ф.К.Левенвольде, австрийским послом графом Вильчек и саксонскими комиссарами был заключен договор (срок действия — 18 лет), согласно которому гарантировались европейские владения договаривающихся сторон, и они брали на себя обязательства о взаимной военной помощи. Россия при этом обещала содействовать Фридриху-Августу в утверждении на польском троне дипломатическим способом, деньгами, а при необходимости и военными силами. Саксонский курфюрст признал императорский титул за Анной Иоановной, и обязался, если сядет на польский престол, признания его и Речью Посполитой. Фридрих-Август обещал отказаться от притязаний Польши на Лифляндию и Курляндию.

Австрия обязалась склонить Англию к устранению Станислава Лещинского от польской короны. Но та дальше провозглашения нейтралитета не пошла, хотя и стремилась удерживать Францию и Швецию от оказания военной помощи Станиславу Лещинскому.

Тем временем противники Станислава Лещинского из числа крупных польских магнатов и шляхты обратились к России, а также к Австрии и Пруссии, с так называемой “Декларацией добро-

желательности”. Они заявили, что правам и вольности Речи Посполитой угрожают приверженцы Франции. “Доброжелательные” просили Россию, Австрию и Пруссию защитить польскую корону.

Это дало повод императрице Анне Иоановне для непосредственного вмешательства в польские дела.

То, что Австрия открыто противодействовала возведению на польский престол Станислава Лещинского, дало, в свою очередь, повод Франции в том же 1733 г. открыть против нее военные действия. Тогда же Людовик XV уведомил Станислава Лещинского о том, что он при необходимости направит к побережью Польши, в район Гданьска, эскадру кораблей с десантом на борту, для совместного противоборства с Россией, коль та решится на вторжение в Польшу.

22 февраля 1733 г., т.е. после смерти Августа II, но еще до избрания Станислава Лещинского королем Польши, на совещании членов Кабинета ее императорского величества и Сената с участием генералитета было вынесено решение: в случае, если иные способы для предотвращения избрания Станислава будут недостаточны, употребить военные средства. С наступлением весны Миних стал вытягивать русские войска вдоль польской и литовской границы.

Миних свел войска в три корпуса: Рижский, Смоленский и Стародубский (вспомогательный).

Посохли дороги, и русские войска двинулись к Варшаве. Уже 20 сентября 1733 г. 20-тысячный русский корпус под командованием генерал-аншефа П.П.Ласси (11 пехотных, 3 драгунских полков при 24 орудиях) сосредоточился близ Праги — предместья Варшавы (правый берег Вислы).

Петр Петрович Ласси, ирландец на происхождении, состоял на русской службе еще с 1700 г. Участник Северной войны и Прутского похода. С 1726 г. командовал войсками в Лифляндии, был рижским генерал-губернатором.

Спустя два дня после сосредоточения русских войск близ Праги противники Станислава Лещинского — магнаты и шляхтичи русско-австрийской ориентации — составили Конфедерацию, и 24 сентября 1733 г. в Грохове под Варшавой польским королем был избран саксонский курфюрст Фридрих-Август под именем Августа III.

Речь Посполитая таким образом обрела двух королей, за которыми стояли Франция и Россия.

Так начиналась вооруженная борьба за наследство, оставленное королем Августом II, т.е. за польский трон.

*Ласси П.П. (1666/1678—1751 гг.).
Гравюра Дж.Гайда по оригиналу А.Винда.
Середина XVIII века.*

Стратегический замысел Станислава Лещинского, видимо, заключался в том, чтобы, укрывшись за крепостными стенами Гданьска, обладавшего удобной гаванью, под защитой сводного гарнизона числом более чем 30 тыс. человек, дождаться обещанного Францией морского десанта и во взаимодействии с ним разбить русские войска и таким образом укрепиться на польском троне. Станислав рассчитывал при этом, что французские войска, наступая через австрийские владения, захватят Саксонию и этим принудят саксонского курфюрста отказаться от польского престола.

Станислав Лещинский опирался на крупные силы: помимо гданьского гарнизона за него выступали еще коронная польская армия численностью в 24 тыс. человек, отошедшая в район Кракова, конная милиция и конфедераты польской шляхты общей численностью в 10 тыс. человек, стоявшие у Свича.

Таким образом у Станислава Лещинского было войск втрое больше, чем у командира русского корпуса.

До конца 1733 г. П.П.Ласси со своими полками стоял в окрестностях Варшавы, не имея на руках какого-либо решения Военной коллегии, как вести военные действия дальше. Станислав Лещинский хотя и имел над русскими войсками большое превосходство, наступления не предпринимал, по-видимому мало надеясь на успех, а больше рассчитывал на французский десант. Правда, его конные отряды нет-нет да перехватывали русские тыловые коммуникации, но, натываясь на драгун П.П.Ласси, терпели поражение и отходили. Самый крупный бой произошел в декабре у местечка Ракува, в ходе схватки русские драгуны наголову разгромили 5-тысячный отряд поляков.

В декабре 1733 г. генерал-аншеф Ласси получил указ императрицы отправиться к Гданьску и заставить его силой признать королем Польши Августа III. Собственно к этому и свелся стратегический замысел русских. Предстояло таким образом осадить Гданьск и овладеть им.

Гданьск становился эпицентром русско-польской войны. То был сильно укрепленный город-крепость, защищенный с суши высокими стенами с фортами, обращенными во все четыре стороны света. Овладеть им было не так-то просто.

В начале января 1734 г. П.П.Ласси, оставив в Варшаве сильный гарнизон, с 12-тысячным отрядом двинулся к Гданьску. Его путь лежал через город Торн, который сдался ему без боя и жители которого присягнули Августу III.

Взять город штурмом и даже осадить его у него сил явно не хватало, а осадной артиллерии и вовсе не было. Тогда он решил прибегнуть к тактике “наблюдения” (блокады), суть которой свелась к тому, чтобы не допустить к городу подхода подкреплений ни со стороны моря, ни со стороны суши. Для этого ему пришлось растянуть войска под Гданьском в тонкую линию, взяв крепость почти в кольцо.

Свои главные силы — пехотные полки Ласси поставил на позиции в предместьях Прауст, Альбрехт и Шенфенорт. А драгунские полки вывел к взморью. Однако недостаток фуража заставил генерал-аншефа отвести кавалерию на юг в район города Старгард; так, у Гданьска, близ форта Вайхзельмюнде образовалось пространство, которое давало гданьскому гарнизону возможность сноситься с французским десантом, если бы он высадился.

Гданьск обладал немалым числом крепостных орудий, имел в достатке боеприпасы и провиант. Гарнизон города под командованием коменданта Штайнфлихта включал регулярные польские полки с довольно высокой боевой выучкой. Они не раз и не два предпринимали вылазки, но благодаря тактике “наблюдения” вылазки эти быстро выявлялись и пресекались огнем и штыковыми контратаками.

Обложив город, Ласси начал его артиллерийский обстрел, но так как у него были лишь орудия полевой артиллерии, да и тех удалось подтянуть мало, стрельба почти не приносила вреда. К тому же обстрелу мешал сильный огонь польских крепостных орудий, которые превосходили числом русские пушки.

Морозы, обильные снегопады изнуряли войска, занимавшие открытые позиции. Все это — и то, что генерал-аншеф Ласси имел

мало сил, уступая в них неприятелю, и то, что у него не было осадной артиллерии, и, наконец, холодное время года — обрекало русские войска под Гданьском лишь на длительное противостояние. Это вызвало недовольство императрицы и Военной коллегии, опасавшихся, что с наступлением весны под Гданьском появятся французские корабли с десантом.

П.П.Ласси был смещен со своего поста и на его место приехал сам президент Военной коллегии Б.Х.Миних. 6 марта в осадном лагере он собрал военный совет. На нем большинство присутствующих — генералы Ласси, Барятинский и Волынский высказались за то, чтобы сосредоточить под городом сил гораздо больше, при этом подвезти осадную артиллерию. Только в этом случае можно было повести осаду, а затем пойти на штурм Гданьска, если, конечно, гарнизон до него не сдастся. Миних, однако, пренебрег этими мыслями и решил немедленно приступить к приготовлениям к осаде. Генерал Волынский вспоминал: Миних “завел шанцы и воинские де люди утруждены были работами великими и излишне тем людям было от него изнурение”.

Тактическая идея, которой руководствовался Миних, заключалась в том, чтобы на первых порах сузить кольцо окружения Гданьска, подведя к нему русские войска как можно ближе. Ему удалось в первые же дни ночными атаками пяти гренадерских рот взять предместья Шотланд и Циганкенберге, Иезуитский монастырь и редут Данциг-Хаупт. На Циганкенберге он устроил редуты, установил батарею. Еще одну батарею он поставил против укрепления Зомершанец, создав тем самым угрозу сообщению гданьского гарнизона с фортом Вайхзельмюнде.

С 10 марта Миних начал усиленную бомбардировку Гданьска, стянув под его стены почти всю артиллерию русского корпуса.

Таким образом тактический расчет Миниха оправдался: кольцо блокады Гданьска сжалось. Это породило у Миниха чувство пренебрежения к противнику, тем более что ему удалось расширить зону действий войск. Ему почти без боя сдались гарнизоны Эльбинга и Мариенбурга. Однако у Станислава Лещинского оставалось превосходство в людях и артиллерии, а вылазки поляков сковывали русские войска.

Осада города грозила затянуться надолго, тем более чем Миниху пришлось отряжать немалые силы на борьбу с конными польскими отрядами под командованием графа Тарло, которые, действуя в районе Свеча, перехватывали русские тыловые коммуникации.

Чтобы выбить неприятеля из этого района, Миних выслал сильный конный отряд под командованием Загряжского. Тот вытеснил графа Тарло из Свеча, очистив тыловые коммуникации русских, но граф Тарло увел свои отряды через Кониц к Пуцигу, ближе к балтийскому побережью, явно рассчитывая рано или поздно соединиться здесь с французским десантом, который вот-вот должен был появиться. Это заставило Миниха бросить ему наперерез отряд драгун и казаков под командованием П.П.Ласси общим числом почти 3 тыс. человек.

Неприятельское войско, преимущественно шляхетская конница численностью 8 тысяч человек, к 8 апреля остановилась на выгодной позиции к югу от местечка Височина. Авангард граф Тарло выдвинул в деревню Смазино.

Как только Ласси настиг поляков, он без промедления повел отряд драгун и казаков в атаку на эту деревню. Польский авангард не выдержал удара и отступил к главным силам.

Тем временем Ласси перестроил свои силы для того, чтобы разгромить польский конный отряд у Височина. Он спешил два драгунских полка, и те в две колонны, держа наперевес ружья со штыками, под барабанный бой пошли в атаку на передовую позицию неприятеля. Оставшиеся же на конях драгунские полки поставил на флангах атакующих сил в готовности развить атаку.

Шляхетская конница и здесь, на своей передовой позиции не устояла под натиском русских полков и отошла на главную позицию, проходившую по возвышенности.

И с этой позиции Ласси удалось сбить польскую конницу. Бой у Височина длился целый час и был кровопролитным. Успех дался Ласси дорогой ценой — он потерял около тысячи человек. Но и неприятель понес потерь не меньше.

Только теперь Миних стал более или менее понимать опасное положение русского корпуса под Гданьском. Его силы сковывались и здесь, под городом, и дальше от него, у Височина. Осада города оказывалась под угрозой срыва. При всем том оставалась реальная высадка французского десанта. Миниху пришлось просить императрицу прислать ему осадные орудия — запрашивал он почти весь артиллерийский парк (62 ствола), а для противодействия высадке вражеского десанта — Балтийский флот, стоявший в Кронштадте.

К 18 апреля главные силы русского корпуса в составе 9 пехотных и одного драгунского полков, отряда казаков в 250 человек стояли на позициях под Циганкебергом, пехотный полк и 4 тыс. драгун — у деревни Гейбуден. Сильный драгунский отряд был выдвинут к взморью. Гданьск, таким образом, по-прежнему опоясывался русскими войсками с четырех сторон. Но в этом расположении

войск все еще оставалось слабое место — открытое пространство близ форта Вайхзельмюнде.

Миних решил изменить положение, для чего взять приступом два крепостных укрепления Гагельсберг и Зоммершанц, что сделало бы невозможным сообщение гданьского гарнизона с ожидавшимся французским десантом: пространство у форта Вайхзельмюнде оказалось бы перехваченным.

Решение на первый взгляд отвечало обстановке, но, как показали начавшиеся события, несло на себе один изъян: недооценку неприятеля, его превосходство в силах и средствах.

Как же развивались события?

21 апреля из Риги пришли первые орудия осадной артиллерии, и можно было, подождав день-другой, когда они встанут на позиции, начать обстрел города. Но Миних не стал ждать, и вечером двинул войска (до 3 тыс. человек) на штурм Гагельсберга. Он рассчитывал на внезапность атаки, так как она началась и должна была развиваться в темное время.

Построенные в три колонны войска шли вперед в темноте и они без помех преодолели ров, но затем поляки обнаружили русских и открыли сильный артиллерийский и ружейный огонь.

Внезапности не получилось. Неприятельский огонь уничтожил почти всех офицеров, которые, как обычно, шли впереди штурмовых колонн. Те, оставшись без начальников, перемешались и вместо того, чтобы продолжать идти вперед, остановились. И так, лишённые управления, но верные воинской дисциплине, простояли под огнем около четырех часов, отвечая лишь пальбой из ружей и неся большие потери.

Войска, разгоряченные боем, не захотели отступать даже тогда, когда Миних прислал нарочного с приказанием отходить. Только когда в штурмовых колоннах появился сам генерал Ласси и подтвердил приказ на отход, они повиновались и повернули назад. Потери были большие — 45 офицеров и 2091 нижних чинов убитыми и ранеными, то есть полегли на поле боя без малого все три колонны русских воинов.

Корпус Миниха таял на глазах. Под стенами Гданьска у него осталось в строю всего около 8 тыс. здоровых солдат и офицеров. Было много больных — 9 тыс. человек.

Только после провала штурма Гагельсберга Миних прозрел и стал считаться с неприятелем, превосходящим в силах и артиллерии, и осммотрительней подходить к организации боевых действий. Он был вынужден не без тревоги просить у императрицы подкреплений

и ускорения перехода Балтийского флота к Гданьску.

Иначе шел штурм Зоммершанца.

25 апреля войска двинулись на приступ городка тоже в ночное время, но уже поддержанные сильным огнем полевой и осадной артиллерии. Зоммершанц пал той же ночью. Это означало, что сообщение осажденных с фортом Вайхзельмюнде стало крайне затруднительным и практически отнимало у них возможность соединиться с французским десантом.

Это было кстати, ибо еще 21 апреля французская эскадра (11 кораблей) появилась, наконец, в гданьской гавани и высадила малочисленный десант близ Вайхзельмюнде. Он пошел было на соединение с гданьским гарнизоном через Миндлевский лес, но, узнав, что Зоммершанц в руках русских, вернулся на корабли, а те ушли в море.

Перелом в борьбе за Гданьск обозначился, когда 14 мая французская эскадра, войдя в гданьскую гавань (16 кораблей) высадила новый десант численностью 2400 человек у того же Вайхзельмюнде, а днем раньше из Кронштадта вышел к Гданьску Балтийский флот (14 линейных кораблей, 9 фрегатов и несколько мелких судов при 1350 пушках) с подкреплением.

Коменданту Гданьска удалось установить связь с командующим французским десантом бригадиром Ла Мот Перуза и договориться об ударе по русским войскам с двух сторон. Однако этому сбыться было не суждено. Проводник завел французов в болото, а затем вывел прямо на русские окопы. Десант отступил к месту высадки, а польские войска, вышедшие было навстречу, повернули назад и скрылись за крепостными стенами.

Французский десант оказался запертым на пустынном острове Плат в устье Вислы, который насквозь простреливался.

Десант был обречен на гибель.

Подошедший Балтийский флот обратил в бегство французские корабли, те, уйдя в море, тем самым бросили десант на произвол судьбы.

К этому времени под командованием Миниха стало 13 пехотных и 11 драгунских полков, отряд казаков до 700 человек. Подошли присланные Августом III саксонские войска — 8 пехотных батальонов и 21 эскадрон кавалерии. А 5 июня корабли Балтийского флота доставили новые орудия осадной артиллерии.

Теперь преимущество в силах и артиллерии, причем заметное, перешло к Миниху. Он не замедлил им воспользоваться. Развернув на побережье осадные батареи, он начал бомбардировку острова Плат и форта Вайхзельмюнде. 11 июня французские войска, лишенные

поддержки с моря, сдались в плен. Спустя три дня после того, как от бомб взлетели в воздух пороховые погреба, капитулировал и форт Вай-хзельмюнде.

Тем временем осадная артиллерия бомбардировала и сам Гданьск. 5 июня и здесь огонь осадных орудий привел к взрыву пороховых погребов.

Положение гданьского гарнизона стало безнадежным. Почувствовав это, Станислав Лещинский, переодевшись под крестьянина, в ночь на 17 июня бежал из Гданьска в Пруссию и обосновался в Кенигсберге под защитой прусского короля. Гданьский гарнизон не выдержал артиллерийской бомбардировки и атак русских и саксонских войск — изо дня в день кольцо осады сжималось — и 26 июня капитулировал.

Городу-крепости Гданьску пришлось признать королем Польши Августа III и взять обязательство уплатить контрибуцию в два миллиона талеров.

Русским войскам достались богатые трофеи: отставший французский фрегат и два прама с 52 пушками, 114 крепостных орудий, почти девять тысяч ядер и картечных зарядов, 1130 пудов уцелевшего пороха.

В плен попали пять польских пехотных полков, 1197 наемников, 2147 французских солдат и офицеров. Русские войска пленили коменданта крепости генерал-майора Штайнфлихта и посла Франции маркиза де Монти.

Успех они добыли “малой кровью”, потеряв убитыми всего 801 человека. Раненых оказалось 1753, пропавших без вести — 12.

Миних видел: опасно было оставлять у себя в тылу, в районе Кракова отошедшую шляхетскую конницу под командованием графа Тарло. Миниху пришлось двинуть на юг, к этому городу сильный отряд из пехотинцев и драгун под командованием П.П.Ласси.

Тот решил взять шляхетскую конницу в окружение. Идя на юг, Ласси медленно “обтекал” войска графа Тарло, пока в марте 1735 г. они не оказались в кольце. С 19 марта вспыхнули ожесточенные бои с шляхетской конницей, которые спустя месяц закончились тем, что она потеряла убитыми до 500 человек, а 8 тысяч сдались в плен. Граф же Тарло бежал.

С этого времени военные действия в Польше быстро пошли на убыль. Отряды польского шляхетства, хотя и многочисленные, но слабые по составу, терпели поражения в боевых столкновениях с русскими войсками. Те вставали гарнизонами в польских городах, и это вызывало постепенное примирение сторон, что означало посте-

пенное же утверждение Августа III как короля по всей территории Речи Посполитой.

В Польше бои затихали, а в Австрии еще вовсю полыхали. Причем она терпела от Франции одно поражение за другим, так что положение австрийского императора Карла VI становилось критическим. Ему пришлось обратиться к императрице Анне Иоановне за содействием согласно союзному русско-австрийскому договору.

Императрица ответила на обращение отправкой на Рейн в июне 1735 г. 20-тысячного корпуса под командованием генерала-аншефа П.П.Ласси.

Переодевшись в австрийское обмундирование (синие и зеленые кафтаны, красные камзолы, плащи, шляпы, штаны-колоты, нижние порты и обувь) корпус двумя колоннами 8 июня двинулся ускоренным маршем по ухоженным немецким дорогам навстречу французским войскам. В его состав входило 8 пехотных полков, и имел он общую численность 13 тыс. человек. То была внушительная сила.

К середине августа Ласси привел войска в долину Рейна, и они встали лагерем на берегах его притока Неккара. Им, однако, не довелось сразиться с французами — в октябре 1735 г. между Австрией и Францией были подписаны предварительные условия мира. Безусловно, этому содействовало выступление русских войск на помощь Австрии и само присутствие их на театре военных действий здесь, в долине Рейна.

Что это так, говорит препровождение императрицей Анной Иоановной генералу-аншефу П.П.Ласси фельдмаршальского жезла. А 17 февраля 1736 г. она подписала указ о возвращении корпуса в Россию.

Таким образом в войне за “польское наследство” России сопутствовал успех. Ей удалось утвердить на польском престоле “своего” кандидата Августа III, а это давало многое. Россия получила, в частности, реальную возможность воссоединения с Правобережной Украиной и Белоруссией.

3. Завязка русско-турецкой войны

В то время, когда русско-польская война уже пришла к концу, а русский корпус генерал-аншефа П.П.Ласси, двигаясь через австрийские владения, приближался к Рейну, на юге России завязывался новый узел событий, вылившихся в тяжелую четырехлетнюю русско-

турецкую войну (1736—1739 гг.).

Поводом к ней послужило вторжение войск крымского хана Каплан-Гирея в октябре 1735 г. на Северный Кавказ через владения России, то есть с явным нарушением русско-турецкого договора 1724 г. Каплан-Гирей, вассал султана Турции, пошел на это по его прямому распоряжению для того, чтобы захватить прикаспийские земли, уступленные Россией Персии согласно подписанному совсем недавно — 10 марта 1735 г. Гянджинскому трактату. То было ширванское побережье с городами Баку и Дербентом, Дагестан, крепость Святого Креста.

Еще раньше, 21 января 1732 г. в Реште между Россией и Персией был заключен трактат, по которому Россия возвратила Персии Гилян, Мазандеран и Астрабад. Таким образом, все завоеванные Петром I земли и города на западном и южном берегах Каспийского моря России по доброй воле возвращала Персии.

То, что Рештский и Гянджинский трактаты ставили крест на приобретениях Петра I в Прикаспье, казалось, противоречило интересам России. Но это было не совсем так. В то время Персия вела войну с Турцией и нанесла ей поражения при Андербенте (1733 г.) и при Эривани (1735 г.) и изгнала турок со своей территории. Это и побудило Кабинет ее императорского величества уступить Персии все оказавшиеся под российским покровительством персидские земли. Иначе Персия могла взять их силой оружия сама, заключив мир с Турцией; защищали те земли слабые гарнизоны.

Важно было не допустить этого. И, главное, “переманить Персию на свою сторону”. Что и сделала Россия, подписав Гянджинский трактат, согласно которому Персия обязывалась взамен Дербента, Баку, Дагестана и крепости Святого Креста “вечной дружбой с Россией” и обещала без согласия русских не заключать мира с Турцией, то есть по-прежнему действовать против турок.

Как гром среди ясного неба, явилось для султана известие о заключении Гянджинского трактата. Он сразу понял его смысл и значение: Россия получала выгодные условия для открытия военных действий против Турции, тогда как он связывался по рукам и ногам. И султан решился захватить прикаспийские земли, с которых русские уходили, таким образом парализовать значение Гянджинского трактата, тем более что французский резидент в Константинополе Вильнев подбивал пойти на это.

В момент, когда крымский хан Каплан-Гирей двигался к Дербенту, Миних отдал приказ: чтобы не допустить татар до прохода к Каспийскому морю, “по выступлении хана учинить внезапное нападе-

Форма русской армии 1742—1761 года

1. Гренадер гвардейской ехоты. 2. Рядовой фузелерных (с 1756 года мушкетерских) полков. 3. Гусар. 4. Лейб-компанец. 5. Конно-гренадерский обер-офицер. 6. Фузелерный (с 1756 года мушкетерский) обер-офицер.

ние на Крым и Перекоп и, ежели возможно, овладеть полуостровом, а дело это поручить запорожцам и украинским казакам с несколькими ландмилицкими и полевыми полками под общим наблюдением гр. Вейсбаха". И далее добавил: "Между тем, потребные к прямой войне (то есть войне с Турцией — Авт.) все надлежащие приуготовления учинять".

Начальство над русскими войсками, сведенными в корпус численностью до 30 тыс. человек, в октябре 1735 г. двинувшимися на юг, и Перекопу, принял генерал-поручик И.М.Леонтьев, двоюродный племянник матери Петра I.

Поздно начатый поход оказался крайне трудным. В степь неожиданно рано пришла зима. Ударили холода и стал выпадать снег. Трава примерзала к земле и это обрекало лошадей на бескормицу. Войска за 13 дней отошли от границы всего на 280 верст и достигли лишь Каменного Затона, уничтожая в мелких стычках кочевавшие здесь станы ногайцев. Но в районе Конских Вод авангард попал под удар большого отряда крымчаков. Вспыхнул бой, в ходе которого враг потерял более тысячи всадников и убрался с дороги.

Сильные холода и снегопад, недостаток провианта и фуража привели к гибели 9 тыс. человек и почти столько же лошадей. Продолжать поход значило обрекать на смерть еще многие тысячи людей. Но генерал-поручик Леонтьев, известный как человек жестокый и упрямый, решил во что бы то ни стало дойти до Перекопа и навязать крымскому хану сражение.

Однако это намерение Леонтьева встретило открытое неповиновение у подчиненных ему генералов. Они на свой риск и страх собрали военный совет, который постановил начать отступление и Леонтьеву больше не подчиняться. Русский корпус отошел на Украину.

Вторжение Каплан-Гирея в Прикаспье и провал России противодействовать ему, учинив "внезапное нападение на Крым и Перекоп", в сущности было началом русско-турецкой войны. Но само объявление войны последовало лишь 12 апреля 1736 г. В тот день генерал-фельдмаршал Б.Х.Миних направил великому визирю Махмет-паше письмо, в котором говорилось: "...Желание России найти удовлетворение за оскорбление и урон, причиненные ей Портой миронарушительными предприятиями, и установить мир на условиях, могущих гарантировать более прочным образом безопасность государства и подданных, — вынуждают Императрицу двинуть против турок свои войска".

"Прямая война" против Турции, объявленная Россией, начиналась из-за действий Каплан-Гирея. Это так. Но случиться ей было неизбежно

из-за стремления России, обозначенного еще Петром I, владеть на юге морем и, прорубив здесь “окно в Азию”, обезопасить наряду с этим южные российские границы. Поход Каплан-Гирея дал лишь предлог для открытия военных действий.

Стратегический замысел фельдмаршал Миних намечал такой: “...на 1736 г. — Азов будет наш. Мы станем господами Дона, Донца, Перекопа, владений Ногайских между Доном и Днепром на Черном море, а может быть, и самый Крым нам будет принадлежать. На 1737 г. — подчиняется весь Крым, Кубань, приобретается Кабарда; императрица — владычица на Азовском море и гирл между Крымом и Кубанию. На 1738 г. — подчиняются без малейшего риска Белгородская и Буджакская орды по ту сторону Днепра, Молдавия и Валахия, которые станут под игом турок. Спасаются и греки под крылья Русского Орла. На 1739 г. знамена и стандарты Ея Величества водружаются... где? в Константинополе”.

Замыслу фельдмаршала нельзя было отказать в смелости. Действительно, как рассчитывал Миних, реорганизованная им русская полевая армия, доведенная по штатам военного времени до 129 тыс. человек, легко выполнит намеченные стратегические задачи. Тем более что, как он полагал, турецкая армия по своей организации и уровню боевой выучки отстает от требований западноевропейского военного искусства. Это сводило на нет то, что она была опасна своим численным преобладанием, особенно в коннице, которая составляла ее главную ударную силу.

Но, как показали события, замысел Миниха оказался слишком далеким от обстановки и страдал недооценкой противника. Тем не менее он был одобрен Кабинетом ее императорского величества и самой императрицей.

По предложению Миниха план кампании на 1736 г. предусматривал овладеть Азовом и завоевать Крым, так что русским войскам предстояло вести боевые действия на двух операционных направлениях.

Для этого Миних создавал две армии большей частью из войск, принимавших участие в русско-польской войне: Днепровскую для захвата Крыма численностью около 70 тыс. человек и Донскую для овладения Азовом силой около 10 тыс. человек, которая должна быть доведена к концу кампании до 25 тыс. человек.

Главкомандующим императрица назначила самого Миниха.

Он намечал открыть военные действия еще весной движением Днепровской армии к Перекопу, а Донской — к Азову. Город этот Миних хотел блокировать как можно раньше — еще до вскрытия Дона, во всяком случае до того, как великий визирь подвезет войска морем. А

чтобы обезопасить Донскую армию от набегов татарских орд со стороны Кубани, поручил калмыкам самим на них нападать. Миних распорядился, чтобы по пути движения Днепровской армии закладывать редуты и устраивались промежуточные базы у Белозерке и в Казыкермене. Здесь, в Казыкермене он намечал оставить отряд в 5 тыс. человек ландмилиции под начальством генерала Гейна для того, чтобы обезопасить армию от нападений со стороны Очакова и Кинбурна.

С осени 1735 г. русские войска медленно стягивались к новому театру военных действий из Австрии, Литвы и Польши. На ходу шло обучение войск боям против неприятельской конницы на степных просторах. Так как полевые станы предстояло разбивать на открытой местности, где из ближайшей балки или из-за холма могла стремительно вылетать татарская конница, каждый полк получил по двадцать рогаток в сажень длины.

С начала мая 1736 г. конные казахи разъезды уходили далеко в степь, ведя разведку вражеских войск. Наблюдение за русскими, со своей стороны, вели турки и татары...

Политическая обстановка накануне войны была не вполне благоприятной для России.

Хотя еще в 1726 г. вице-канцлеру А.И.Остерману и удалось заключить Союзный договор с Австрией, в силу которого та обязывалась предоставлением вспомогательного корпуса помогать России при ее войне с Турцией, но она, опасаясь движения России к Черному морю, куда сама стремилась, только и делала что подыскивала предлоги, чтобы не принимать участия в войне.

Тем не менее тот договор сильно тревожил Западную Европу, в особенности же Францию, старую соперницу Австрии и недоброжелательницу России. Франция хотела, используя Швецию, Польшу и Турцию, объединенных общим интересом — удаления России от Европы, составить из этих государств стену через всю Европу с севера на юг.

Персия выполняла свое обязательство и отвлекала на себя немало турецких войск, что было весьма важно для России.

Швеция, еще не оправившись после разгрома войсками Петра I, несмотря на старания Франции и собственное желание обострить русско-турецкие отношения, по существу была не в силах оказать более или менее значительного влияния на события.

Со всем этим Миниху так или иначе приходилось считаться.

Полное господство над Доном, над его устьем, завоевание Крыма, подчинение татарских орд, подчинение Валахии и Молдавии, утверждение на берегах Босфора — вот задачи, которые шаг за шагом должны

были выполняться на избранном пути. Азов, Крым, Очаков, Бендеры, Хотин, Яссы и Константинополь — вот цели кампаний, которые предстояло провести для решения намеченных задач.

Стратегия Миниха, однако, несла в себе еще один изъян, который заключался в том, что вместо перенесения военных действий в глубь турецкой империи — только так можно было принудить Турцию к миру — она намечала их вести на второстепенных и нечувствительных для нее направлениях.

В первой половине 30-х годов XVIII в. Россия вступала в новую полосу войн.

Вопросы к главе VIII:

1. Какие новшества ввела Воинская Комиссия в армии?
2. Чем окончилась вооруженная борьба за польское наследство?
3. Завязка русско-турецкой войны (1736—1739 гг.).

Глава IX

ВОЙНА С ТУРЦИЕЙ (1736—1739 гг.)

1. На двух разобщенных направлениях

8 марта 1736 г., когда Дон вскрылся и понес свои бурлящие воды в Азовское море, главнокомандующий русской армией генерал-фельдмаршал Б.Х.Миних приехал в крепость Святой Анны, что стояла близ реки всего-то в 100 верстах от Азова: здесь сосредоточивались русские войска, вставая лагерем на пологом, открытом всем ветрам берегу. Получив сведения, что азовский гарнизон насчитывает всего 2 тыс. человек (в действительности было 5 тыс.) и что турки из-за штормовой погоды не могут войти в Дон с моря, Миних решил немедленно начать блокаду Азова теми войсками Донской армии, которые уже здесь находились. А их было не так уж и много — 6 тысяч пехоты, 2 тысячи пеших казаков и 1200 казаков конных.

Азов оставался сильной крепостью с наружной оградой из трех бастионных фронтов и высокой сторожевой башней. У устья Дона, запирая вход с моря, стоял все тот же форт Лютик. В трех верстах от крепости по берегам высились по-прежнему две каланчи, на которых стояли орудия.

По замыслу Миниха обе каланчи предстояло взять с ходу отряду в 500 гренадер, минеров и артиллеристов и 1200 казаков, спускавшихся по реке на судах. И тем самым обеспечить свободное сообщение выдвигавшихся войск с обозами.

А против татар, кочевавших в окрестностях турецкой крепости, надлежало двинуться по обоим берегам отрядам донских атаманов: по правому берегу атамана Фролова с 700 пешими и 200 конными казаками, по левому — атамана Краснощекова с тысячью казаков.

Диспозиция в общем-то отвечала обстановке, но воплощалась в жизнь с немалыми трудностями.

Весна выдалась ранней, быстро согнало снег. Грунтовые дороги размывало, так что передовые роты появились у каланчей лишь 19 марта. Ночной атакой им удалось выбить турок из них, благо тех оказалось мало. 20 марта подтянулись к Азову почти все главные силы Донской армии и сразу же взялись за обустройство осадного лагеря. 23 марта войска приступом овладели фортом Лютик. Тут

же Миних выдвинул к устью Дона батарею и прикрыл ее отрядом донских казаков в тысячу человек. Таким образом Азов со стороны моря оказался отрезанным.

Тем временем быстро строился осадный лагерь, охватывая крепость с трех сторон.

26 марта в осадный стал подошел генерал-лейтенант В.Я. Левашев с тремя пехотными и одним драгунским полками. Теперь вся армия стояла у стен Азова. Таким образом Миних свой план воплощал в жизнь более или менее успешно.

В тот же день из крепости Святой Анны привезли 4 мортиры для бомбардировки, и генерал-фельдмаршал, отдав распоряжение об осадных работах, поспешил из-под Азова к Днепровской армии — в ее лагерь, стоявший у селения Царицинка. Ему не терпелось начать поход на Крым.

Командование осадными войсками он возложил на генерал-лейтенанта Левашева.

Когда 9 апреля Миних приехал в Царицинку, оказалось, что там вставали лагерем только 9 пехотных и 9 драгунских полков. Войска подходили, с трудом преодолевая бездорожье.

Миних и здесь не стал ожидать сбора всех сил, двинув к Перекопу, не мешкая, уже сосредоточенные войска.

На реке Самаре Миних создал три опорных пункта, в которых разместил армейские магазины. Запасы доставлялись по Днепру из Переволочны и Кременчуга.

18 апреля русский авангард выступил к реке Белозерке, где Миних наметил общий сборный пункт Днепровской армии. Сведений о противнике не было никаких. Поход, по словам Миниха, продолжался “якобы внутрь государства”, но тем не менее “со всякой осторожностью”.

Воедино армия сосредоточилась на Белозерке только к 4 мая, насчитывая теперь 10 драгунских и 15 пехотных полков, 10 тысяч ландмилиции, казаков запорожских, малороссийских, слободских и чугуевских, включая артиллерию и одну понтонную роту. Всего — 58.078 человек, половина из которых — иррегулярные войска.

4 мая от реки Белозерки к Перекопу начал выдвижение авангард генерал-майора Шпигеля численностью в 4 тыс. человек (драгунские полки). Спустя сутки тронулись и главные силы. А 7 мая русские достигли Кизикермена, где устроили опорную базу.

Какой же противник противостоял русским войскам?

Почти до самого Кизикермена враг ничего не давал о себе знать, собираясь с силами, по данным разведки, где-то близ Перекопа.

себе знать. Только 15 мая в степи были замечены весьма значительные силы ханской конницы. Миних приказал войскам произвести перестроение из походного строя в боевое. Развернулось огромное каре. В углах и середине фасов встала артиллерия. Все повозки сдвинули внутрь каре, и на них разместились казаки. Получилось нечто вроде подвижной полевой крепости.

Конница крымского хана яростно бросалась в атаки, стремясь ворваться в каре. Но нападавших каждый раз отбивали ружейным и картечным огнем.

Наконец Миних, выждав, когда у нападающего врага иссяк воинственный пыл, двинул каре вперед. Громада — четырехугольник драгун и пехотинцев под грохот артиллерийского огня стал наваливаться на ханское войско. Оно, не ввязываясь в бой, поспешно отступило к Перекопу.

Преследуя отступавших, не свертывая каре, русская армия 17 мая подошла к перекопским укреплениям, оставив в тылу обозы и больных.

Перекопская линия укреплений состояла из земляного вала и рва с крутыми откосами. Она держалась, как на опорных пунктах, на шести башнях, где стояла артиллерия (184 орудия). Единственный вход в Крым закрывали каменные ворота под защитой крепости Ор-Капи. Линия таким образом представляла довольно сильный укрепленный рубеж.

Тем не менее нетерпеливый Миних решил тут же пойти на штурм и овладеть им, дабы двинуться в глубь Крымского полуострова. Главный удар он наносил по левому флангу перекопской линии укреплений. Здесь сосредоточил 15 пехотных, 10 драгунских и ландмилиционный полки. Их построил в одну атакующую линию. Резерва себе не оставил.

Миних начал атаку отрядом в тысячу человек около четырех часов утра 20 мая сначала через вал на правом неприятельском фланге против крепости Ор-Капи. Едва штурмующие с помощью пик и штыков достигли вершины вала, как татары побежали. Когда же наступил рассвет, колонны русских войск пошли на приступ по всей линии. Одна за другой шеренги под ружейным огнем вскарабкивались на вал и когда втащили на канатах за собой орудия, татары бросились “в бег”. Победа досталась ценой всего в 6 человек погибших и 17 раненых. Среди трофеев оказались все 184 медные пушки, захваченные у русских во время азовских походов князя Василия Голицына. Путь в Крым был открыт.

22 мая сдалась крепость Перекоп. Здесь Миних устроил еще одну опорную базу с сильным гарнизоном из двух полков: пехотного и драгунского и 1200 казаков.

В тот же день Миних, верный себе, на военном совете настоял на немедленном передвижении в глубь Крыма.

Чтобы обеспечить здесь наступление от вылазок очаковского гарнизона турок, он двинул на Кинбурн 12-тысячный отряд генерал-поручика Леонтьева.

Леонтьеву пришлось встретиться с сильным противодействием Кинбурнского гарнизона, который долго отбивался огнем от атак русских войск, а то шел и на вылазки. Но 8 июня он сложил оружие. Наступление на Крым справа было таким образом обеспечено.

Армия численностью около 35 тыс. человек двинулись в глубь Крыма 25 мая, имея с собой запас провианта до 15 июня. По данным разведки силы противника состояли из 8 тысяч турок и примерно 140 тыс. человек ханской конницы.

Противник таким образом намного превосходил русскую армию. К тому же он прекрасно знал местность и свободно на ней маневрировал.

Миних снова построил армию в огромное каре-квадрат, середину которого занял большой обоз, а стороны "прикрыли" колонны полков. Но этот боевой порядок обрекал армию на крайне медленное движение. Переходы за день составляли от 6 до 12 верст.

Армия, продвигаясь, взяла Козлов (Евпаторию). Она тем самым обезопасила свой левый фланг от ударов турок.

Миниха манил Бахчисарай – столица крымского ханства.

Из Козлова войска пошли морским берегом, находя в изобилии фураж и воду, так что уже 16 июня русская армия, повернув на северо-запад, остановилась в двух верстах от Бахчисарая.

Расположенный в долине город со всех сторон окружали горы. Наиболее удобные проходы через них занимали сильные отряды ханской конницы. Но нашлись все же проходимые места, тем более, что горы оказались невысокими. Оценив ситуацию, Миних решил совершить ночной обходный маневр с тем, чтобы появиться у Бахчисарая, там, где его неприятель не ожидал, и взять город.

Вечером 16 июня полки, как следует не отдохнув, начали без лишнего шума обход. На рассвете хан с удивлением увидел выстроившихся в боевую позицию русских у себя в тылу перед Бахчисараем.

Придя в себя, он с яростью крупными силами атаковал выдвинувшихся вперед донских казаков и Владимирский пехотный полк. Донцы подались назад, а владимирцы, отходя, даже потеряли пушку.

Чтобы не дать неприятелю развить успех, Миних перебросил к полю боя пять пехотных полков с полевыми орудиями. Залпы артиллерии и ружейный огонь вынудили ханское войско отойти. Буквально на плечах отступающего неприятеля передовые русские полки ворвались в Бахчисарай. Город был предан огню.

Теперь Миних замыслил овладеть городом-крепостью Кафу (Феодосия). С захватом Козлова и разорением Бахчисарая это давало ему возможность прочно обосноваться на берегах Крымского полуострова.

Пока же армия встала лагерем на реке Алмас (Салгир), куда Миних стянул и все обозы.

Чтобы обеспечить свое движение на Кафу с левого фланга и пополнить запасы, он ночью 21 июня бросил 8 тысяч регулярных войск и две тысячи казаков в атаку на Акмечеть (Симферополь). Быстро подойдя к городу, войска нашли его пустым. Забрав запасы и предав Акмечеть огню, они вернулись к армии.

Тогда же Миних послал 10-тысячный отряд к городу Султан-Сараю. И он был взят без боя и подвергся разорению.

Казалось, путь на Кафу был открыт, но идти по нему армии не довелось.

Миних брал и разорял в Крыму город за городом, но решить главное дело – разгромить войска татар и турок не мог. Те ускользали от него, уходя в горы. Но постоянно держали русскую армию под угрозой напасть с той или иной стороны. На армию надвигалась и другая опасность: оказаться запертой в Крыму, так как на полуостров спешили полчища войск крымского хана из далекого кавказского похода.

Закрепиться же в Крыму Миних не имел ни сил, ни средств, тем более что армию поразила эпидемия – до трети личного состава оказались больными.

Но позже 25 июня Миних собрал военный совет, который, оценив ситуацию, решил отводить армию на перекопскую линию укреплений. Видимо, это было верно: армия с третьей части состава больных, оказывалась как бы в ловушке.

26 июня Днепровская армия, снова построенная в огромное каре, взятое в плотное кольцо татарской конницы, развернулась авангардом к Перекопу. Знойное южное солнце выжигало степь. Люди изнемогали от жары. Стало не хватать пресной воды. Начался падеж лошадей. Таяли запасы продовольствия.

При отходе к Перекопу армейское каре то и дело подвергалось нападениям татарских войск.

Помимо того, конные татарские отряды насккивали на обозы с продовольствием и снаряжением, которые шли с Украины, ловили и убивали фуражиров.

Это заставило Миниха, подойдя к Перекопу 6 июля, и дня здесь не простоять, а двинуть армию к Днепру и дальше, в российские пределы. Начиная с 11 сентября полки стали расходиться на зимние квартиры.

Крымский поход Миниха таким образом оказался безрезультатным. Но стоил больших жертв. За время похода, включая отступление к Перекопу и далее к Днепру, армия потеряла только от болезней почти половину своего состава.

Донской же армии сопутствовал успех, хотя и пришел он не скоро и стоил немалой крови.

“Обложив” Азов, генерал Левашов из-за недостатка сил, к тому же лишенный осадной артиллерии, на штурм города не шел, а ограничился лишь обустройством своих позиций.

Турецкий гарнизон совершал вылазку за вылазкой. И хотя не случилось ни одной, которая принесла бы неприятелю успех, они изнуряли войска. К тому же в конце апреля были “съедены” последние запасы продовольствия и людям пришлось питаться одним хлебом.

Но как раз в это время стали подходить подкрепления и осадная артиллерия, подвозиться провиант.

Когда 4 мая в командование Донской армией вступил генерал-фельдмаршал П.П.Ласси, под стенами Азова уже сосредоточилось до 20 тыс. русских солдат и офицеров. А в конце мая пришли все осадные орудия. У командующего оказалось под рукой теперь 46 пушек и мортир. 20 тысяч людей и 46 орудий были силой, с которой можно было повести осаду Азова.

Командующий армией в этом еще более уверился, когда к району Азова подошла Донская военная флотилия под командованием норвежца на русской службе вице-адмирала П.П.Бредаля с многочисленной артиллерией.

Второй раз русской армии предстояло брать Азов.

П.П.Ласси решил осаду крепости вести с южной и юго-западной стороны, а с севера, откуда враг, видимо, ждал главного удара, провести демонстрационную атаку.

В конце мая командующему удалось заложить первую параллель с пятью редутами, тремя пушечными и пятью мортирными батареями, на которые встали 26 пушек и 20 мортир.

Подступы к Азову с моря Ласси закрыл двумя редутами, а в фарватере Дона передвинул паромы, на которых поставил артиллерийские батареи.

Тогда же он начал и бомбардировку крепости.

Осада разворачивалась по классическим канонам.

8 июня пушечное ядро угодило в крепостной пороховой погреб, так что он с грохотом взлетел в воздух. Пострадало немало людей, а 340 человек погибло, вспыхнули пожары, до тла пожирая городские строения.

Осада Азова подошла к апогею, когда в ночь на 18 июня Ласси бросил на приступ крепостного палисада отряд из 300 гренадеров, 700 мушкетеров и 600 донских казаков, прикрыв его огнем всех орудий. Той же ночью палисад был захвачен. Комендант крепости Мустафа-ага понял: вот-вот последует штурм, которого гарнизону не выдержать, и согласился на капитуляцию. Ласси разрешил ему вывести гарнизон из Азова. Так город снова перешел к России.

В то время как Донская армия осаждала Азов, на Кубани предводитель калмыков Дундук Омбо с большим отрядом в 20 тысяч всадников разбил войско кубанских татар примерно такой же численности.

А когда в мае в калмыцкому войску присоединились четыре тысячи донских казаков атамана Краснощекова и около полутора тысяч кабардинцев, все они двинулись в глубокий рейд по кубанским степям, тесня татарские отряды к устью Кубани.

За две недели совместного похода калмыков, донцов и кабардинцев противник потерял убитыми до 15 тысяч человек и 30 тысяч взятymi в плен. Ставка кубанских татар Катлу была сожжена.

Кубанским татарам пришлось подчиниться России.

Взяв Азов, генерал-фельдмаршал Ласси, как было ему приказано, 2 августа выступил с войсками к Перекопу. В Азове же оставил гарнизон в четыре пехотных и один драгунский полка. Однако на марше получил весть об отступлении Миниха к Днепру. Тогда Ласси отошел к Бахмуту и встал здесь на зимние квартиры.

На этом собственно кампания 1736 года и завершилась.

Что же она дала?

Отвечая на этот вопрос, русский военный историк А.К.Браилов говорит: "Взятие Азова, разорение большей части Крымского полуострова и приведение в подданство России некоторых орд Кубанских татар, — таковы были окончательные результаты кампании 1736 г. Таким образом, только половина программы, намеченной Минихом на этот год, была выполнена им".

Но у войны еще не было видно конца. Турецкая армия сосредоточивалась в устье Дуная, угрожая с запада. А с юга, с территории Крыма надвигалась угроза вторжения армии крымского хана.

План кампании 1737 г. императрица приказала разработать Миниху еще осенью 1736 г.

Уже 14 ноября Миних представил выработанный план “ко Всемилоштивейшей аппробации”. Причеш план этот был составлен “не токмо генеральным образом на всю здешнюю (русскую) армию”, но принимая во внимание и возможные действия против Оттоманской империи и Австрии. Действительно, в это время подходили к завершению переговоры с Австрией о вступлении в войну с Портой на стороне России в силу условий союзного договора 1726 г. А в январе 1737 г., когда составленный Минихом план войны на этот год проходил “аппробацию”, в Вене была подписана конвенция о совместных военных действиях союзников. Австрия обязывалась “употребить свою армию в Венгрии”, при этом с движением турок в эту страну русским войскам предстояло зайти с тыла и “в возможном случае вторжения через Молдавию во владения Порты”.

Миних стоял за наступательные действия. “Атака придает солдату бодрость, — говорил он, — и поселяет в других уважение к атакующему, а пребывание в недействии уменьшает дух в войсках и заставляет их терять надежду”. Так это и бывало. Миних не сомневался, что наступление на Валахию и Молдавию, то есть в направлении, указанном Петром Великим, было наивыгоднейшим. Однако трудности его проведения, известные по воспоминаниям о неудаче Петра, понесенной как раз здесь, заставили его отказаться от действий в сторону этих территорий и обратиться к направлению между Доном и Днепром.

Учитывая то, что Австрия откроет военные действия против турецких войск в Венгрии, он выдвинул идею наступать не одной армией, а двумя, ведя как бы две совершенно отдельные операции: одну в Крыму, а другую — против Очакова.

Всю зиму 1736/37 г. шли приготовления к походу. Армия под начальством Миниха в 90 тыс. человек должна была идти на Очаков. И взяв его, развернуть действия против турецких войск, сосредоточенных у Бендер.

Армии Ласси в 40 тыс. регулярных войск и 15 тыс. иррегулярных предстояло, выйдя из Азова, сосредоточиться на рубеже р. Миус и далее наступать на Крым.

Решение Миниха продолжать войну двумя армиями исходило еще из предположения, что турецкая армия в 1737 г. не перейдет

через Дунай, то есть не начнет наступления первой. Но он не исключал и возможности, что начнет. “Если неприятель выйдет навстречу, — говорил на это Миних, — то, призвав Бога в помощь, с ним переведаться и баталию дать”.

Стратегический замысел, заложенный Минихом в план кампании 1737 г., казалось, отвечал общей обстановке, какой она ему виделась к осени 1736 г. Но он повторял ошибку плана кампании 1736 г., допуская действия русских войск на двух разобщенных операционных направлениях. Главнокомандующий это видел, но ошибкой не считал, руководствуясь идеей пусть медленного, но продвижения к Константинополю. Как он полагал, взятие Азова в 1736 г. было первым этапом на этом пути; завоевание Крыма, подготовленное его разорением в том же году, и овладение Очаковым, что позволяло утвердить за собой Крым, должно было стать новым этапом.

Бурное течение событий, однако, опровергло это предположение Миниха.

Сосредоточение армии Миниха затягивалось. К 24 мая на р. Омельник он собрал только 60—70 тыс. человек и 62 осадных орудия — всего 63 батальона пехоты, 29 драгунских и кирасирский полк, 2 эскадрона конной гвардии, 3 тыс. артиллеристов и инженерных войск, 1,5 тыс. гусар и до 13 тыс. казаков.

18 июня Миних, наведя три понтонных моста через р. Южный Буг, двинулся с армией тремя каре (так, чтобы они в случае нужды могли помочь друг другу) сначала в направлении на Бендеры. Тем самым он отвлекал внимание турок от очаковской крепости. А потом вдруг изменил маршрут и скорыми марш-бросками повернул армию на Очаков. Чтобы не затягивать время, обозы и тяжелая артиллерия шли отдельно.

29 июня русская кавалерия с боем вышла на ближайшие подступы к Очакову. Вышедшая ей навстречу вражеская конница отступила в город. Спустя сутки уже вся армия встала лагерем возле крепости от лимана до Черного моря.

Крепость Очаков представляла из себя продолговатый четырехугольник с обычными крепостными сооружениями. Три стены на сухопутье были обнесены валом и глубоким рвом, однако лишенным воды.

Сераскир крепости собрал под свое начало свыше 20 тыс. человек с отборной конницей. Крепость имела припасов на долгую осаду.

Гарнизон, видимо, ждал русских. Предместье сжег. Выжег и степь верст на 20 вокруг. Так что ни корма для лошадей, ни материала для фашин нельзя было найти. Однако обгоревшие развали-

ны предместья и еще тлеющие сады позволяли скрытно подойти к крепости на ружейный выстрел.

Как казалось Миниху, сама обстановка повелевала немедленно пойти на штурм крепости, не ожидая прибытия осадных средств, в том числе тяжелой артиллерии. Тем более что, как донесла разведка, к очаковскому гарнизону спешил 10-тысячный отряд турок. Надо было, решил Миних, брать крепость еще до его подхода. Миних слишком торопился взять Очаков. На рекогносцировке даже глубокого переднего рва не заметил.

События развивались стремительно. 1 июля в 6 часов утра завязалась артиллерийская дуэль. Чтобы добиться успеха, генерал-фельдмаршал двинул вперед половину армии. Другую половину оставил в резерве в готовности идти на приступ.

Турки, попав под сильный огонь, отступили за палисад. В крепости от артиллерийского огня начался пожар. Ночью он усилился.

На рассвете 2 июля под прикрытием залпов полевой артиллерии русские пошли на штурм. Турки явно не ожидали, что он начнется так скоро. Бомбы и ядра крушили укрепления.

Правым флангом штурмующих войск командовал генерал А.И.Румянцев и Г.Бирон, центром — Д.Кейт, левым флангом — Ч.Левендаль.

Атакующие колонны довольно быстро, а всех быстрее колонны отважного генерала А.И.Румянцева, подступили к валу, но, не имея фашин и штурмовых лестниц, не могли перейти ров и остановились под огнем врага, а затем и отступили.

Тем временем Миних продолжал бомбардировку Очакова. Тут ему улыбнулась военная судьба. В 10 часов утра в тот же день от прямого попадания бомбы взорвался пороховой погреб. Огромной силы взрыв разрушил множество домов, вызвал пожары, погубил до 6 тыс. человек. Оборонявшихся охватила паника.

Миних возобновил штурм. Казаки-донцы, а за ними и гусары ворвались в крепость, пойдя на приступ теперь уже и со стороны моря. На улицах города завязались рукопашные схватки, в которых верх неизменно одерживали русские. Сераскиру ничего не оставалось, как сдаться на милость победителей. Так пал Очаков — главная твердыня Османской империи в Северном Причерноморье.

Русские войска потеряли при штурме убитыми 1055 человек, ранеными — 2842 человека.

Потери турок оказались несравненно большими: убитыми до 17 тыс., считая и жителей города, пострадавших от взрыва порохового погреба и бомбардировки, пленными до 3,5 тыс. Примерно 2 тыс.

турок бежали в море, успев сесть на галеры. Трофеями стали 93 орудия, 18 галер.

Вся степь до Бендер оказалась выжженной, и это дало Миниху повод отказаться от похода в глубь турецкой империи. Он оставил в Очакову сильный гарнизон в составе 12 пехотных батальонов, 2 драгунских полков и 200 казаков под командованием генерала Бахметьева. А сам с армией двинулся к Бугу, переправился через него, но затем остановился в 40 км от Очакова и разбил лагерь. Действий в этом году он больше не предпринимал.

17 августа Миних поднял войска и направился с ними пятью длинными колоннами к границам России.

Очаковский гарнизон русских остался в глубоком тылу. И без того довольно сильный, он стал еще сильнее, когда в том же августе к городу приплыла Днепровская флотилия, а гарнизон восстановил почти все разрушенные укрепления.

Овладение Очаковым было несомненно успехом русской армии. Но его нельзя было считать прочным: Миниху не удалось разбить главные силы противника, он довольствовался лишь тем, что нагнал на него страх.

Почти день в день с Минихом выводил из-под Азова на рубеж р. Миус, в район устья р. Берды свою армию и генерал-фельдмаршал Ласси. И у него сбор войск затягивался. Но к концу мая в район сбора подошли уже 13 драгунских и 20 пехотных полков, 12 тыс. казаков и калмыков (чуть позже).

Вдоль берега Азовского моря пришла Донская военная флотилия вице-адмирала П.П.Бредаля. Она состояла более чем из 200 малых судов. Ласси таким образом получал прикрытие с моря.

Ласси задумал войти в Крым не со стороны Перекопа, откуда русские войска вели наступление в прошлом году и откуда, как он считал, противник снова ожидал удара, а через Сиваш по Арабатской косе от Генчи (Геническа).

Когда 19 июня к Генчи подошел вице-адмирал Бредаль со своей флотилией, он немедленно взялся за наведение моста через Сиваш.

Движение русских войск к Арабатской косе с очевидной целью переправится через Сиваш привела крымского хана в замешательство: он исключал переход русских через Гнилое море, ставя свою армию у Перекопа.

Хан с главными силами, оставив перекопские позиции, поспешил к крепости Арабат.

28 июня у берега неподалеку от Арабатской косы показался турецкий морской флот. Под флагом капудан-паши пришли 2 ли-

нейных корабля, фрегат и 85 гребных судов. По другим данным, 2 линейных корабля, 13 галер и 47 полугалер.

С появлением турецкого флота вице-адмирал Бредаль выстроил всю флотилию — 217 двойных шлюпок и лодок — в две боевые линии. В 100 саженях от берега флотилия развернулась на 6-футовой глубине, недоступной для турецких кораблей.

Ласси успел развернуть на Арабатской косе две батареи. Одну батарею поставил на берегу.

Между тем к ночи разыгрался шторм. Он бушевал целые сутки. Донская флотилия сильно пострадала: 170 лодок были частью затоплены на мелководье, частью сорваны с якорей и разбиты.

После шторма в строю осталось лишь 47 шлюпок и лодок. С ними вице-адмирал Бредаль и отважился 30 июня принять бой.

В 2 часа дня турецкий корабль открыл огонь залпом левого борта по правому флангу боевого строя флотилии и береговой батареи. Немедленно открыл огонь и другой корабль. Галеры и полугалеры, выстроившись полумесяцем, надвигались, непрерывно паля из носовых пушек.

Артиллерийская перестрелка длилась не менее часа. Более меткий огонь русских орудий заставил турецкие гребные суда отойти на расстояние, до которого он уже не доставал. Вослед ушли и линейные корабли.

То была победа. И тем более внушительная, что у флотилии не оказалось ни убитых, ни раненых. Но, главное, Ласси теперь был избавлен от угрозы с моря.

Морской бой 30 июня 1737 г. у Арабатской косы был первым и последним в Азовском море за всю историю войн между Россией и Турцией.

Движение 40-тысячной армии по Арабатской косе было крайне рискованным. Длина косы составляла 103 версты, ширина от 1,5 до 5 верст. Вот почему Ласси резко изменил движение. Он переправил армию через Сивш не по наведенному мосту у Генчи, а в середине Арабатской косы близ устья р. Салгир на плотках, сооруженных из бочек и рогаточных брусьев. И двинул ее по берегам рек Салгир и Индаки к городу Карасу-Базар.

В 26 верстах от Карасу-Базар он разбил лагерь. Здесь хан и “наткнулся” на русскую армию, с ходу навалившись на нее всей массой своей конницы. Но был отбит артиллерийским и ружейным огнем.

14 июля Ласси, оставив в лагере обоз и больных, под прикрытием 5-тысячного отряда, двинулся с армией дальше. В авангарде

полковыми походными колоннами с сильным сторожевым охранением шел отряд численностью в 14 тыс. человек.

Когда авангард подошел к Карасу-Базару, то на высотах за рекой Карасу обнаружил лагерь турок и татар численностью не менее 15 тыс. человек. Командир авангарда, генерал Дуглас долго не раздумывая, атаковал его и в жарком бою не более чем за час наголову разбил неприятеля и занял Карасу-Базар.

Ласси явно “переигрывал” хана, разбивая один его отряд за другим, но тот ускользал с главными силами от генеральной баталии. При этом существовала опасность, что он нападет на составленный в 26 верстах от Карасу-Базара лагерь с обозами и больными. К тому же войска стали допекать жара, недоставало воды. 15 июля Ласси решил вернуться в оставленный лагерь и в тот же день выступил со всей армией из-под Карасу-Базара.

Но едва он выстроил каре и двинул его, как на выжженной солнцем равнине подвергся нападению татарской конницы в 70 тыс. человек. Вспыхнул жестокий бой. Во время горячих схваток калмыцкая конница зашла в тыл татарскому войску и врубилась в его боевой порядок. Это переломило ход боя. Неприятель дрогнул и отступил. Конница калмыков гнала его почти до самого Бахчисарая.

Ласси таким образом одержал еще одну победу, но не более чем тактического значения. Хан по-прежнему уходил от “генеральной баталии” и держал власть над Крымом. Ласси попадал в такое же положение, которое пережил в прошлом году Миних.

Не имея возможности закрепиться, 24 июля армия покинула Крым.

Весь август армия Ласси простояла на берегах р. Молочной, а в конце сентября вернулась на Дон и Северский Донец, на украинскую укрепленную линию, и встала на зимние квартиры.

Донская флотилия вернулась в Азов.

Так снова поход в Крым закончился отступлением. Ласси смог лишь еще раз разорить полуостров и разогнать войска турок и татар. Таким образом и вся кампания 1737 г. не удалась. Взятие Очакова да новое опустошение Крыма — вот и все, собственно, военные результаты, которых Миних и Ласси смогли добиться.

Был у нее, однако, политический “плюс”: еще в середине 1733 г. Турция, видимо, опасаясь поражения в войне с Россией и Австрией, выступила с инициативой мирного ее разрешения. Наступил август, когда после переговоров и споров воюющих сторон в Немирове собрался конгресс русских, австрийских и турецких представителей. Русские представители П.П.Шафиров, А.П.Волынский и

И.И. Неплюев огласили на нем внешнеполитическую программу, автором которой был Миних. Сердцевину ее составило требование: “С одной стороны река Кубань, а с другой — река Днестр между обеим империям (т.е. России и Турции — *Авт.*) за постоянные и не переходимые границы определены будут”. Земли по Кубани и Крым должны были перейти к России. Иначе говоря, на конгрессе русские представители хотели добиться того, ради чего велась война с Турцией.

Кабинет ее императорского величества и сам Миних, видимо, учитывали, что согласовать эти требования не только с Турцией, но и с Австрией, опасавшейся усиления России, будет крайне трудно.

В начале октября 1737 г. Турция отвергла все требования, предъявленные к ней в Немирове, включая и требования России, и турецкие представители уехали с конгресса.

Провал конгресса в Немирове означал: Россия и Турция по-прежнему скрещивают оружие на поле брани. А поскольку Австрия не отказалась от стремления продвинуться на юго-восток, она будет выступать на стороне России.

13 января 1738 г. Анна Иоановна утвердила план новой кампании, выработанный Минихом. Снова он “вложил” в него стратегический замысел начать наступление на двух разобщенных стратегических направлениях: силами Главной (Днепровской) армии численностью в 108 тыс. человек под своим командованием идти за Днестр, осадить Бендеры и “искать с неприятелем баталию дать” и силами Донской армии в 65 тыс. человек под началом Ласси вторгнуться в Крым и завладеть им при поддержке флота на Азовском море. Пылкий генерал-фельдмаршал таким образом надеялся в кампании 1738 г. овладеть турецкими областями и уничтожить крымское ханство с целью сначала твердо стать на Черном море, а затем, при помощи флота, нанести Османской империи удар, который, по его мнению, должен был привести к коронации императрицы Анны Иоановны в Константинополе. Иначе говоря, достичь целей, задуманных еще перед войной. Но удача отворачивалась от него...

Австрийским войскам предстояло держаться Дуная и осадить Видин, при этом они не должны были прекращать действия раньше русских.

К концу июня 1738 г. армия под командованием Миниха (Главная) подошла к Южному Бугу и, без помех перейдя реку, дальше на юго-запад, к Днестру пошла, перестроившись в три каре; внутри каждого передвигался обоз.

Перестроение пришлось кстати. Ранним утром 30 июня русские

дозоры за р. Кодыма (приток Буга — Авт.) заметили на линии горизонта надвигавшуюся черной лавой вражескую конницу. То летели галопом турецкие войска и аккерманские татары, намереваясь — это было ясно — с ходу атаковать головное русское каре. Русские солдаты быстро развернули орудия навстречу атакующим всадникам. Огонь полевой артиллерии и всей ружей — залп за залпом — рассеял их, как только они приблизились, и заставил отступить.

100-тысячная Главная армия, соблюдая построение в три каре, под жарким июльским солнцем, шла к Днестру между реками Белоглицею и Молочицею, вступая в Подолию. Впереди и на флангах передвигались конные дозоры, наблюдая за передвижением противника.

8 июля у р. Савранки крупный конный турецкий отряд снова атаковал головное каре. И опять огонь быстро выдвинутой артиллерии и ружейные залпы оборвали вражескую атаку.

Тем временем турецкий командующий отвел почти все свои войска ниже г. Бендеры и перебросил их на левый берег, создав тем самым угрозу окружения Днепровской армии. Миниху ничего не оставалось, как “тянуть” армию вверх вдоль Днестра, избегая захлестывания в петлю. Ему пришлось бросить обозы и распорядиться закапывать в землю пушки, порох, снаряды. Перейдя Южный Буг, Днепровская армия усталым шагом пошла на Киев.

Удачно начатый Минихом поход к Днестру закончился таким образом тяжелым отступлением.

Вначале и поход генерал-фельдмаршала П.П.Ласси с Донской армией складывался удачно. Он к 19 мая сосредоточил пехотные и драгунские полки, отряды донских казаков и калмыцкой конницы общей численностью до 65 тыс. человек близ устья р. Берды, в то время как вице-адмирал П.П.Бредаль уже шел вдоль берега Азовского моря к Сивашу. Генерал-фельдмаршал тут же выслал конные дозоры в сторону полуострова. Из уст пленных П.П.Ласси узнал, что хан с войском в 30—40 тыс. человек стоит в 15 верстах за Перекопской укрепленной линией перед Турецким валом. При подходе к укрепленной линии генерал-фельдмаршал пошел на маневр, который он уже применял во время вторжения в Крым прошлым летом и существо которого сводилось к тому, чтобы обойти Перекоп. Он выбрал для переправы через Сиваш (Гнилое море) место в 6 верстах от Турецкого вала, зная, что здесь в жаркую погоду вода сильно пересыхает, и двинулся к нему.

Маневр удался, тем более, что, когда Донская армия 26 июня переправилась, сильный западный ветер совсем согнал воду. Ласси вы-

вел войска в тыл полчищу крымских татар и тем пришлось отступить в глубь полуострова.

Между тем хан с войском отходил, уклоняясь, как и в прошлом году, от “главной баталии”, “заманивая” таким образом Ласси в глубь полуострова. Тот с армией продвинулся еще на 110 верст, когда понял, что и на сей раз поход в Крым срывается. Тем более, что у Ласси возникла боязнь доставлять продовольствие и фураж Днепром, так как в Очакове и Кинбурне разразилась чума. И это все при том, что погибла Азовская флотилия, а хан избегал решительного сражения.

6 июля военный совет согласился с решением генерал-фельдмаршала отступить к Перекопу. Армия отходила, отбиваясь от нападений вражеской конницы, численность которой подчас доходила до 20 тыс. человек.

На перекопской укрепленной линии Ласси простоял до конца августа, а затем, взорвав ее, двинулся на Украину. В октябре войска встали на зимние квартиры.

Таким образом, удачно начавшийся поход и у Ласси закончился отходом.

Тем временем главные силы турецкой армии вели наступление против австрийских войск на севере и юге. Еще в апреле на севере турки взяли город Оршову, а в мае вступили в Банат. На юге, за Дунаем, турки в конце августа осадили Белград и вступили в город. Так что Австрия снова терпела одно поражение за другим. Правда, когда в сентябре шли мирные переговоры с Турцией, они вывели свои войска из Белграда.

В том же месяце Миних оставил Очаков и Кинбурн, где уже вовсю разгулялась эпидемия чумы, грозившая войскам бесславной гибелью. Все укрепления и стоявший на якорях флот он взорвал. Выход России на Черное море таким образом был снова потерян.

На мирных переговорах А.И.Остерман требовал Азова взамен Очакова и Кинбурна, причем со всей прилегающей территорией, тогда как Турция настаивала на том, чтобы скрыть все азовские укрепления. Остерман таким образом сводил дело к ликвидации Прутского договора 1711 г., “отнявшего” у России Азов.

На этом, собственно, и закончилась кампания 1738 г. Она не принесла России каких-либо приобретений в борьбе с Турцией за овладение Черным морем. Наоборот, было потеряно даже то, что с трудом завоевала русская армия в 1737 г.

Без новой кампании было не обойтись.

2. Хотинский поход

22 мая 1739 г. в местечке Левах, где сосредоточились русские войска, только переправившись через Днепр у Киева и Коялова, генерал-фельдмаршал Б.Х.Миних собрал военный совет, на котором впервые объявил старшему генералитету, что целью нового похода является взятие крепости Хотин, а затем вторжение в Волошскую и Молдавскую земли. Здесь же он сказал, что для избежания трудностей похода через степи армия пойдет через Польшу. С ней пришлось вести нелегкие переговоры.

В мае 1739 г. Россия и Австрия заключили конвенцию, согласно которой они обязывались приложить все усилия для достижения “пристойного мира” с Турцией.

В чем же конкретно заключался новый замысел главнокомандующего?

Как и во всех прошлых кампаниях, он намечал действия русских войск на двух разобщенных направлениях, имея в виду: “1. Главной армии идти через Польшу к Хотину и действовать, “как конъюнктуры и неприятельские поступки и движения показывать будут”. 2. А с другой армией для толь наивящей неприятелю диверсии против Крыма и Кубани все такие действия производить стараться, которые токмо возможны будут, к чему уповательно и флотилия на Днепре не без пользы употреблена быть может”. Здесь разумелись Очаков и Кинбурн.

Таким образом по выбору цели и направлений кампании стратегический замысел Миниха выглядел логичным. Главный удар своей армии он обрушивал на Молдавию и это отвечало развитию основной идеи Миниха в борьбе с Турцией.

Но логичный стратегический план генерал-фельдмаршала Миниха, однако, теперь уже исключал более широкий замысел, закладывавшийся в первоначальный план, — завершить войну вступлением русских войске в Константинополь. При этом главной армии, нацеливавшейся на Хотин, к 25 мая предстояло сосредоточиться у Василькова, на самой польской границе, в численности всего 91 тыс. человек, из которых 15 тыс. были бы иррегулярные войска, при 169 орудиях полевой артиллерии, 58 орудиях осадной артиллерии и огромном обозе, который следовало везти 22 тыс. пар волов. Но здесь Миниху удалось собрать армию лишь в 60 тыс. человек при 174 орудиях полевой и осадной артиллерии. Таким образом в кампании 1739 г. при походе на Хотин у него оказалась армия значительно меньшей численности, чем при движении на

Бендеры (более 100 тыс. человек). Но зато она обеспечивалась собственным запасом продовольствия, перевозимом в обозе.

Главкомандующий счел необходимым разделить армию на четыре примерно равные по силам дивизии, каждая из которых состояла из 4 драгунских и 5—6 пехотных и 2—3 малороссийских (иррегулярных) полков. Кроме того, в 1-ю дивизию вошли донские и запорожские казаки, а в 4-ю — 9 полков ландмилиции. Дивизии, как это было тогда заведено, делились на бригады неравного состава.

Особым указом императрица дала главнокомандующему в помощники братьев всесильного фаворита — генералов Карла и Густава Биронов.

Хотя движение двух армий — одной через Польшу к Хотину, а другой — в сторону Крыма и Кубани позволяло прикрыть всю южную российскую границу, Миних оставил для ее охраны 2 кирасирских, 2 драгунских и 3 пехотных полка под командованием генерал-лейтенанта Трубецкого. Это сковало действия крымского хана в направлении на Киев.

28 мая армия из Василькова и Треполя выступила в “дальний марш”.

Добытые разведкой сведения говорили Миниху, что войска могут встретить значительные силы противника не ближе, как перед самым Южным Бугом. Опасаться можно было лишь нападений незначительных партий татар, особенно с левого фланга, откуда неприятель мог зайти в тыл армии.

Все это Миних постарался учесть при организации марша.

При этом Миних двинул дивизии к Южному Бугу по разным дорогам, независимо друг от друга. Обозы каждой дивизии шли сосредоточенно.

Медленно двигаясь, дивизии к 5 июня отошли от границы всего на 700 верст, а с прибытием к Южному Бугу опоздали на целую неделю. Тем не менее 22 и 23 июня 1, 2 и 4-я дивизии без помех переправились через реку и к вечеру 23 июня сосредоточились у Летичева. 3-й дивизии, отягощенной осадной артиллерией, пришлось переправляться, обойдя верховья Буга.

Буджанский сераскир, видимо, догадался о движении русской армии к Хотину и направился с конным отрядом из Бендер вверх по Днестру. 22 июня главнокомандующий выслал ему наперерез к Сороке, что стоял на левом берегу реки, летучий отряд в 1000 человек иррегулярных войск под командованием полковника Капниста, демонстрируя, что русские идут к Бендерам и тем отвлекая татар от Хотина.

Спустя четыре дня Капнист вышел к Днестру, разорил Сороки и попутно Могилев и, видимо, этим ввел-таки сераскира в заблуждение: татары вернулись от Хотина. Капнист же отошел к своей армии.

Теперь надо было определиться с переправой через Днестр. Миних навязал военному совету мысль идти от Буга прямо к Хотину, который и бомбардировать, а затем здесь же и переправиться через Днестр.

25 июня длинными дивизионными колоннами армия двинулась одной единственной дорогой вдоль правого берега Буга на Збруч, к которому должна была прибыть и 3-я дивизия.

Перейдя границу 28 июня, армия таким образом в течение 40 дней прошла около 400 верст, то есть в день делала всего лишь по 10 верст. То было весьма медленное движение, но темп марша задавал слишком большой обоз, который везли волы, и это обрекало армию двигаться с чрезмерной медлительностью.

Кампания шла, как диктовала ситуация...

Когда Миних с армией перешел 8 и 9 июля р. Збруч, в виду армии впервые показался неприятель. Главнокомандующий немедленно перестроил походный порядок. С 11 июля армия шла к Хотину, имея впереди авангард генерала Фермора из 4-х драгунских полков, в одном громадном каре, каждая сторона которого была дивизией, а внутри каре двигался обоз. Вокруг армии следовали иррегулярные войска.

Главнокомандующий и здесь прибег к демонстрации: он разделил армию на две части: одна под начальством генерала А.И.Румянцева должна была, играя роль всей армии, показать намерение идти прямо на Хотин, другая под непосредственным командованием Миниха выходила выше Хотина, где ей и предстояло форсировать Днестр.

Миних оставил при себе корпус всего из 28 тыс. человек, из них более 9 тыс. иррегулярных.

Как же проходила переправа?

18 июля Миних со своим корпусом отделился от Румянцева и, совершив марш-бросок в 30 верст, к вечеру с авангардом вышел к Днестру у деревни Синьковицы, в 50 верстах выше Хотина. Появление на Днестре русских войск оказалось настолько неожиданным для неприятеля, что генерал-фельдмаршал не нашел здесь ни одного солдата противника. Перед ним распахнулись во всю ширь поля и леса молдавской земли.

Только 20 июля Султан-Гирей — командующий татарскими войсками и Колчак-паша, хотинский комендант, узнали о переправе Миниха у Синьковиц.

Тем временем генерал Румянцев, сделав один переход к Хотину, повернул к месту переправы Миниха у Синьковиц и выдвигался к Днестру. Его войска попали под внезапно начавшиеся дожди, которые резко сбили темп движения. Генерал вывел передовые части к Днестру у Синьковиц только 24 июля.

Так как Миних ожидал нападений неприятеля, то изменил и организацию армии: прежнее деление на авангард и 4 дивизии он заменил делением на авангард кор-де-баталь, правое и левое крыло. Кор-де-баталь составили: гвардия, 5 драгунских, 8 пехотных, 9 ландмилицейских, 2 малороссийских полков, — донские и запорожские казаки; крылья генерал-фельдмаршал сделал достаточно сильными, включив в каждое из них до 15 пехотных и драгунских полков. Этим он фактически перевел армию в предбоевое положение.

К этому времени Миниху было известно, что перед ним стоит в окрестностях Хотина турецко-татарская армия численностью от 70 до 90 тыс. человек, разбросанная по нескольким лагерям. Ближайший к русской армии лагерь лежит в 25 верстах близ укрепления “Окоп”, которое запирало путь к Хотину, имея 10 тыс. турок при 10 пушках.

Миних был полон стремления “маршировать прямо на неприятеля”. Тем более что ему сообщили: валахи, настроенные против своего господаря, при выходе войск к Пруту перейдут на сторону русских.

4 августа военный совет решил “марш с армией к Хотину начать по дороге, прилегающей ближе к Пруту, подаваясь к Волошскому местечку Черноусы”.

5 августа Миних, оставив у Заставны осадную артиллерию и провиантский магазин под прикрытием 20-тысячного корпуса, “налегке” выступил с армией к Хотину. Турецкие войска, видимо, проведая о движении русской армии, поспешили оставить укрепление “Окоп”. Так что путь для Миниха по узкому горному дефиле был открыт.

Для движения Миних перестроил армию в три каре и подойдя к горе Станогор, встал здесь лагерем, примкнув правый фланг к р. Прут, а левый уперев в Хотинские горы. Лишь занялся день 8 августа, Миних увидел перед собой в долине р. Долгая стоявший на боевой позиции конный отряд татар численностью до 12 тыс. человек. Отряд на рысях бросился в атаку. Вскочившие навстречу гусары навели татарскую конную лавину на артиллерию и та заставила смешаться противника, а к вечеру и отойти за р. Долгая.

То, что отряд не отступил далеко, а расположился на ночлег, вблизи русского стана и при том почти в боевом порядке, подсказало Миниху мысль, что неприятель провел рекогносцировку (разведку). Но не лучше ли было самому атаковать его? Вечером он собрал военный совет, который решил, учитывая цель — движение к Хотину, да еще без обозов, немедленно перейти в наступление.

На рассвете 9 августа Миних “со всякую тихотой” начал спускаться в трех каре в долину р. Долгая. Одно каре следовало за другим, при этом каждое перестроилось в колонну по-батальонно в виду малой ширины дороги.

Главкомандующий воспользовался этим и бросил отряд в составе 12 гренадерских рот при 12 пушках под командованием Карла Бирона к реке. Отряд быстро устроил себе мост из фашин и хвороста и немедленно перешел на левый берег реки. За ним переправилась на этот берег и вся армия.

Неприятель отступил на 7—8 верст, а русская армия, перейдя без помех еще одну реку — Гукову, встала лагерем вблизи деревни Ракитна.

За три дня с 10 по 13 августа Миних смог продвинуться всего на 6 верст к деревне Калиновцы — он замедлял движение с тем, чтобы войска нагоняли обозы.

Здесь Миних получил “надежную ведомость”, что главнокомандующий неприятельской армией сераскир Вали-паша, имея у себя 40 тыс. турок и от 40 до 50 тыс. татар, намерен дать русской армии сражение перед Хотинем. Миних в свойственной ему манере решил не ожидать атаки противника, а 14 августа самому его атаковать.

Однако 14 августа неприятель уклонился от боя, видимо, учтя, что русская армия сама подставляет себя под петлю окружения.

Действительно, когда Миних после отступления неприятеля, задержав армию на весь день 15 августа на месте в ожидании обоза, утром 16 августа двинулся вперед уже с подошедшим обозом, то увидел: его армия окружена со всех сторон. Он тем не менее упорно продвигался в сторону Хотина, отбиваясь от нападений татар и турок то при помощи артиллерии, то при помощи иррегулярных войск.

Положение армии оказалось крайне тяжелым. Перед ее фронтом занимали сильно укрепленную позицию главные силы турок под начальством Вели-паши, обстреливая армию артиллерийским огнем. На левом фланге стоял Калчак-паша со своими янычарами, на правом фланге — Генж-Али-паша с турецкой кавалерией (спаги), а в тылу — татарские орды под командою султана Ислам-Ги-

рея. Положение армии осложнялось еще и тем, что стал чувствоваться недостаток фуража, дров, воды.

Вели-паша был убежден, что теперь “он российскую армию в своих руках имеет и что из оной ни один человек не спасется”. Не без удовольствия он считал, что русская армия находится теперь как и при Дели-Петро (Петре Великом) на берегах Прута в 1711 г., в таком же положении и ей остается одно — сдаться.

Но то был роковой просчет.

3. Ставучанское сражение

К 17 августа Вели-паша сосредоточил на позиции Надобоевцы-Ставучаны все силы, какие только мог, даже подтянул почти весь хотинский гарнизон. Общая численность турецко-татарской армии у Ставучан достигала 70—90 тыс. человек при 70 орудиях. Но на позицию он смог выдвинуть не более 20 тыс. человек, так как направил всех татар в тыл русской армии, а турецкую кавалерию поставил на фланги. Всю позицию (5 верст) занять войсками возможности он был лишен. Желая, видимо, прикрыть кратчайшую и наиболее удобную дорогу на Хотин, он сосредоточил войска только на западной позиции, оставив незанятой восточную, откуда отходил путь на Бендеры.

Когда Миних 16 августа, проведя рекогносцировку, оценил обстановку, то без колебаний “взял резолюцию того 17 числа на неприятеля в его лагере напасть и при том атаковать его левый фланг”, употребив “воинскую стратажему (хитрость —Авт.), т.е. сделать вид, что “якобы неприятельский рентранжамент... атаковать хотели” на правом фланге, а на самом деле решительный удар нанести по его левому флангу.

К Ставучанам Миних привел армию, которая насчитывала 40 тыс. регулярных и 8 тыс. иррегулярных войск при 250 орудиях.

Для демонстрации он выделил отряд численностью около 9 тыс. человек при 22 полковых орудиях и одной бригаде полевой артиллерии под командованием Густава Бирона.

Ставучанское сражение началось ранним утром 17 августа, когда Густав Бирон со своим отрядом быстро переправился через р. Шуланец напротив турецкой кор-де-батайлии, имитируя авангард всей русской армии. Артиллерийская дуэль продолжалась здесь до полудня, но была малодейственная. Все это время Миних с армией стоял, держа ее “в ружье”, как бы намереваясь вот-вот перейти в наступление.

“Воинская стратажема” ему удалась. Вели-паша начал сосредоточивать войска ближе к правому флангу, ставя их впереди своих батарей и окопов.

Миних уловил этот момент и приказал всей армии повернуться направо и двинуться к слиянию р. Шуланец и безымянного ручья. Отряду же Густава Бирона переправиться обратно за Шуланец и занять свое место в боевом построении.

Когда Вели-паша увидел сей маневр, то принял его за отступление всей русской армии и “на радостях” даже послал в Хотин известие о победе”.

Вскоре, однако, ему открылся истинный смысл маневра, и он стал перемещать войска на свой левый фланг. Тем временем Миних, построив армию в три каре, медленно продвигался, “взяв дирекцию направо” в обход Ставучанской позиции Вели-паши, к переправе через р. Шуланец. Чтобы сдержать татар и конницу Генж-Али-паши, которая появилась уже и на левом берегу реки, Миних к переправе выдвинул две бригады полевой артиллерии под начальством подполковника князя Дадиани.

Впереди шел с правым крылом Карл Бирон, — его-то перво-наперво и прикрывал огонь артиллерии Дадиани. Под его прикрытием Карл Бирон довольно быстро спустился к реке и, забросав ее болотистую пойму фашинами, навел 27 мостов, по которым тут же и перевел свои полки. Во 2-м часу дня он уже стоял на высотах в двух верстах от неприятеля, обеспечивая переход всех русских войск через реку.

Когда к 4 часам дня переправа через р. Шуланец закончилась, Миних перестроил армию в одно общее каре, поставив во внутрь его весь обоз. Армия “тихотой” пошла вперед.

Был 5-й час дня, когда она проходила мимо деревни Ставучаны и тут подверглась сильнейшей атаке турок: с правого фланга на нее налетела конница, с фронта — янычары. Не менее 12—13 тысяч всадников навалилось здесь на гвардию и пехоту. Миних оставил армию. Полки закинули рогатки, и открыли сильный артиллерийский и ружейный огонь. Турецкая конница отхлынула.

То был переломный момент сражения. Неприятель на своей главной позиции поджег тысячи шатров и палаток и поспешно уходил в сторону Хотина. Правда, на флангах и в тылу турецкая конница и татарские орды все еще держались вблизи русских войск, но на решительные атаки не отваживались, а лишь стесняли движение.

Наконец, к 7 часам вечера Миних привел свою армию на турецкую позицию и занял полусгоревший лагерь неприятеля.

*П.А.Румянцев-Задунайский
(1725—1796 гг.).*

*Гравюра Дж. Уокера по оригиналу
Д.Левицкого 1798 г.*

В это время Генж-Али-паша собрал “в кулак” всю свою конницу и намеревался было уже бросить ее против правого фланга русских войск. Но огнем двух бригад артиллерии был отброшен в бегство еще до того, как конница начала атаку.

Это окончательно сломило боевой дух неприятеля и вся его армия бежала с поля боя, да так поспешно, что высланные для преследования иррегулярные войска нагнали лишь отдельных беглецов.

Разгром турецко-татарских войск был полный. Вся 70-тысячная армия противника оказалась рассеянной. Большая часть турецких войск бежала к Бендерам, увлекая за собой почти весь хотинский гарнизон. Небольшая часть их бросилась к Пруту и

далее за Дунай; татары ушли к себе в Буджак.

Миниху достались уцелевшие от огня обозы и вся артиллерия Вели-паши.

Потери русской армии в Ставучанском сражении, длившемся целый день, оказались незначительны: убитых 13 человек, раненых — 54 человека, в том числе 6 офицеров.

Султанская армия только на поле сражения оставила тысячу убитых. Много раненых и погибших турки увезли с собой.

Миних направил в Хотин парламентаров с требованием сдаться. Комендант Колчак-паша в ответ прислал янычарского майора с просьбой отпустить оставшихся солдат гарнизона под охраной за Дунай. Ему отказали. Миних выдвинул сильный пехотный отряд под командованием генерал-майора Шипова к каменным стенам крепости. 19 августа она сдалась.

В крепости трофеями русских войск стали 179 медных различного калиберных орудий: 157 пушек (в том числе 3 дробовика) и 22 мортиры. И огромные запасы бомб, гранат, ядер и картечи, пороха и свинца.

Героями Ставучанского сражения стали генерал-аншеф А.И.Румянцев, походный атаман Войска Донского Иван Фролов, артиллерии подполковник князь Дадияни, а в общем-то все воины русской армии.

Теперь у нее были развязаны руки для ведения наступательных действий на территории Молдавии.

Оставив в Хотине крепкий гарнизон, Миних двинулся на юг, в глубь Молдавии, форсировав у Яшкова р. Прут. Для обеспечения коммуникаций здесь заложил полевую крепость Святого Иоанна.

Преследование шло куда как быстрее. 29 августа русские войска уже подошли к Яссам, откуда бежал молдавский господарь, армия которого распалась.

5 сентября 1739 г. Молдавия присягнула на верность России и перешла в ее подданство, обязуясь содержать для собственной защиты от Османской империи 20-тысячную русскую армию. В конвенции о том говорилось:

“Во Имя Святой Троицы.

В Яссах, столице княжества Молдавского, сентября 5 дня 1739 г.

Победительное оружие Е.И.В. Самодержицы Всея России, по мощию Всевышняго, разбив армию турецкую и татарскую 17 минувшаго августа, овладев потом 19 славною крепостию Хотинскою и перешед 28 чрез р. Прут внутрь Молдавии, вступила даже до Ясс, где его сиятельство ген. фельдм. гр. Миних командующий аншефом войска Е.И.В. съезд свой имел 3 сентября.

Мы, нижеподписавшиеся княжества Молдавского стати духовные и светские, всенижайше объявляем, представляем и просим чрез сие нижеследующее:

1. Признаем мы Е.В. Императрицу Анну Иоановну, ныне торжественно царствующую, нашею всемилостивейшую и настоящую Государынею и Всевышняго просим, да подаст Е.И.В. совершенное долголетнее здравие, чтоб Ея царствование было счастливо и оружие Ея всегда победительное над неприятелем христианства и над всеми теми, кои противятся от Бога данной Ей власти.

2. Мы себя подвергаем в Высочайшую Е.И.В. нашей всемилостивейшей Государыни протекцию и Ея справедливые соизволения за наши законы приемлем.

3. Обязуемся наши труды с прилежанием употребить, всех наших братьев, кои поныне в интересах Порты или неприятелей Е.И.В. находятся, в равное с нами подданство к Е.И.В. привести...

6. Еще ж обязуемся ставить провиант на содержание 20000 человек войска Е.И.В., т.е. рожь и муку, крупу и соль на таком же основании и по толикому ж числу и море, как войска Е.И.В. по регла-

менту в России получают.

7. В г. Яссы и проч. местах, где обстоятельство и обращения воинские востребуют, причем от войск российских гарнизон и свободныя и без заплаты квартиры генералам, офицерам, драгунам и солдатам дадим, т.е. потребную квартиру, дрова и свечи.

8. Генералитету, штаб и обер-офицерам тех 20000 давать будем рации и порции по регламенту Е.И.В. и тем, кои в отлучке, платить станем за фураж деньгами по настоящей цене.

9. На гошпитали помянутых войск дадим виноградное и горячее вино, уксус, перец, чеснок и прочаго столько, колико потребно для больных; одним словом сказать — будем иметь попечение содержать те 20000 человек со всем по воинскому регламенту Е.И.В., зачав с 1 числа сего сентября месяца 1737 г. ...

11. Для перевозу провианта и проч. всяких воинских припасов, куда обстоятельства востребуют, обещаемся давать подводы, только б не чрез и не вне границ Молдавских.

12. Для фортификационных работ, кои для безопасности отечества нашего будут от 2 до 3000 работников с собственным их провиантом и оных от времени до времени другими, как нужно, будем сменять.

По вышеизображенным кондициям уповаем на Е.И.В. наше Всемилостивейшую Государыню всенижайше просим:

1. Чтоб под Ея счастливым царствованием мы имели те ж вольности, привилегии и преимущества, как в духовных, так и светских делах, каковыми прочие Е.И.В. подданные пользуются...

6. Еще ж просим, чтоб в числе тех 20000 войска были включены все те из нашего народа, кои вступят в службу Е.И.В. под команду бригадира кн. Кантемира...

В уверение чего сия конвенция печатями утверждена и подписана”.

В “Регистре персонам, кои под заключенною конвенциею со статьями княжества Молдавского подписались сентября 5 дня 1739 г. в г. Яссах”, свои подписи поставили 11 духовных и 11 светских лиц, влиятельнейшие люди княжества.

Среди первых — Антоний, митрополит Молдавский; Гедеон, епископ Романский; Нектарий, архимандрит Галацкий; главы монастырей.

Среди вторых — Сандул Штурца, лагофет или великий канцлер Молдавский; граф Григорий Кантакузин, великий судья нижних провинций; Иван Мула, судья верхней провинции; Константин До-

нитш, обер-директор Молдавской земли.

Договор России с Молдавией о принятии ее в русское подданство предусматривал сохранение автономии Молдавии.

В то время как Миних разворачивал действия на хотинском направлении, русские войска под командованием Ласси совершили еще один поход в Крым. Он начался от берегов Северского Донца от порубежной крепости Изюм к Перекопу. Но дальше перекопской линии укреплений Ласси не пошел.

Совсем по другому сюжету развивались события в войне Австрии против Турции. Вначале успех сопутствовал австрийским войскам, когда в конце июня 1739 г. они перешли р. Саву и стали у Белграда. Но затем они снова стали терпеть одно поражение за другим. И вот в момент, когда Миних вошел в Хотин, австрийцы и турки подписали прелиминарные условия мира. По пути в Буджак Миних узнал, что 21 августа австрийский уполномоченный Нейперг заключил сепаратный мир с Турцией.

Мир с Портой стал насущно необходим для России, тем более что в Швеции пришло к власти новое правительство, сразу же начавшее приготовления к войне со своим давним противником. По Белградскому договору, подписанному 18 сентября 1739 г. Турции возвращались крепости Кинбурн и Очаков. Азов оставался за Россией, но его укрепления срывались. Правда, при этом ей давалось право построить свои крепости на Дону (Святого Дмитрия), на острове Черкасе, а Турции — в устье Кубани.

В договоре говорилось, что Россия не имеет права держать корабли ни на Черном, ни на Азовском морях. Русская торговля в Черном море могла производиться только на турецких судах.

Османская империя отказывалась от притязаний на кабардинские земли. Большая и Малая Кабарда были объявлены нейтральным барьером между договаривающимися сторонами.

Россия возвращала Турции Хотин. Менее чем за два месяца русские полки покинули Молдавию, оставив даже артиллерию в Хотинской крепости.

Русско-турецкая война 1735—1739 гг. стоила России 100 тыс. солдатских жизней и почти ничего ей не дала. Северное Причерноморье оставалось в руках Турции и Крымского ханства. Южная граница по-прежнему была открытой для набегов крымских татар и кубанских ногаев. Условия Прутского договора 1711 г. были аннулированы в малозначительной мере.

Все это делало неизбежным новое столкновение между Россией и

Османской империей.

Вопросы к прочитанному материалу:

1. В чем причины войны с Турцией в 1736—1739 гг.?
2. Основные итоги русско-турецкой войны 1736—1739 гг.?
3. Савучанское сражение. Замысел и результаты.
4. Почему была неизбежной новая война с Турцией.

Глава X

СНОВА ВОЙНА СО ШВЕЦИЕЙ

1. Развязывание военных действий

Когда 17 октября 1740 г. скончалась императрица Анна Иоановна и в правящей верхушке России вспыхнули распри вокруг кандидатуры на русский престол, то шведский король Фредрик I и сторонники антирусской реваншистской политики в рикстаге — а их было большинство — посчитали сей момент весьма выгодным для того, чтобы силой возвратить Прибалтику. Тем более что это отвечало данному еще 15 апреля 1739 г. секретным комитетом рикстага определению: если наступят благоприятные для Швеции обстоятельства, то армия и флот должны будут со всей поспешностью и скрытностью поставлены на военное положение, чтобы они сразу же могли начать наступательные действия.

“Шляпам”, как себя называли сторонники войны с Россией, что пришли к власти в рикстаге 1738—1739 гг., общая международная обстановка казалась благоприятной для развязывания войны с Россией. Уже во время сессии риксдага, 10 декабря 1738 г. его секретному комитету удалось подписать с Францией, ставшей яркой противницей России после поражения в Польше, конвенцию, согласно которой Швеции обеспечивались денежные поступления на три года в размере 300 тыс. риксталеров в год. Обе стороны брали на себя обязательства в течение 10 лет не вступать ни в какие международные соглашения без консультаций друг с другом.

Тогда же рикстаг рассмотрел предложения султана Турции о наступательном и оборонительном союзе, который и был заключен 22 декабря 1739 г.

Таким образом, появился общий фронт враждебных России держав — Турции и Швеции.

Позиции же России на международной арене выглядели куда слабее.

Имея выгодный союз с Австрией, заключенный еще в 1726 г. и признававший, в частности, русские завоевания в Прибалтике, она подписала 16 декабря 1740 г. договор с Пруссией, предусматривавший дружбу и взаимную помощь в случае нападения третьей державы на одну из сторон. И это тогда, когда Пруссия за пять дней до этой акции напала на Австрию и стала прибирать к рукам Силезию.

*Императрица Елизавета Петровна (1709—1761 гг.).
Гравюра Ж.Меку по оригиналу А.Беннера. 1817 г.*

Россия таким образом оказалась в союзе с двумя враждующими государствами — Австрией и Пруссией. Это двусмысленное положение России лишь развязывало руки Пруссии в ее агрессии, а самой ничего не давало.

То был плод пропрусской ориентации верховодивших тогда в стране Б.Х.Миниха и А.И.Остермана, ущемляющий ее национальные интересы и парализовавшей ее дипломатию. Чуть позже прусский король Фридрих II фактически разорвал договор с Россией, пойдя в январе 1741 г. на союз с Францией, по которому обещал не препятствовать Швеции в завоевании прибалтийских провинций. И это при том, что Франции удалось добиться нейтралитета Дании. Анг-

лия, хотя и подписала 3 апреля 1741 г. с Россией союзный договор, отказала ей в помощи, когда началась русско-турецкая война.

Россия попадала фактически во внешнеполитическую изоляцию. Союз с Австрией, втянутой в борьбу с Пруссией, выхода из нее не давал. Все это подтолкнуло шведского короля Фредрика I под сильнейшим давлением “шляп” 27 июля 1741 г. подписать манифест с объявлением войны России. “Мы, Фредрик, Божьей милостью король шведский, готский и венденский... ландграф Бессенский..., — провозглашал он, — объявляем сим всем нашим верным подданным, каким образом мы вследствие многих обид, нанесенных в разное время нам, государству нашему и подданным нашим Русским Двором... для благосостояния и безопасности нашей, государства нашего и верных наших подданных, находящимся вынужденными, воззав к всеблагому Богу о помощи, взяться за оружие и объявить сим во всенародное известие, что нами объявлена война против ныне царствующего Царя Русского...”

Какие же цели ставила Швеция, идя на развязывание новой войны с Россией?

Ответ на этот вопрос дала особая депутация рикстага, которая еще задолго до окончания войны с Россией выработала условия мира, как если бы она была побежденной.

Особая депутация из числа “шляп” полагала, что если Россия запросит мира, то следовало не вступать с ней даже в перемирие, пока она не уступит Карелию, Кексгольм, Выборг, Петербург, Кроншлот и всю Неву. Основанием для мира должен был стать Столбовский договор 1617 г., так что Швеции следовало получить еще, считали “шляпы”, Эстляндию, Лифляндию и Ингерманландию и все острова, принадлежавшие ранее Королевству. И сверх того, Ладожское озеро. Государственная граница должна была отодвигаться к востоку и проходить через Онежское озеро до Белого моря. Помимо всего Россия лишалась военного флота на Балтийском море, а ее торговля хлебом ставилась под контроль. Суть завоевательных устремлений “шляп” таким образом заключалась в отторжении Петербурга и всей русской территории вплоть до Архангельска, включая территориальные приобретения Петра I.

Но все это было не более чем иллюзии. Швеция, объявляя войну, не имела даже плана ее ведения в начальный период, а лишь некие соображения секретного комитета рикстага.

Эти соображения предусматривали быструю победу, однако мало чем обоснованную.

Когда рикстаг избрал главнокомандующим армии известного военачальника генерал-фельдмаршала К.Э.Левенгаупта, то ему

пришлось фактически “на ходу” вырабатывать стратегический замысел кампании, исходя из соображений, к которым пришла военная комиссия рикстага под руководством генерала К. Кронштедта.

Что же это были за соображения?

Генерал Кронштедт исходил из того, что Швеция будет нападающей стороной, но что они недостаточно подготовились к войне на территории Финляндии. Крепости Вильманstrand и Фридрихсгам, которые здесь заменяли Выборг и Кексгольм, уступленные России, имели слабые военно-инженерные сооружения. А крепости Нейшлот, Тавастгус и Або сильно устарели. Генерал Кронштедт предложил крепости Вильманstrand и Фридрихсгам уничтожить, а армии отойти к реке Кюмене, по линии которой соорудить сильные укрепления.

Стратегический замысел Левенгаупта, в некоей мере вобрав в себя соображения генерала Кронштедта, свелся к тому, чтобы сосредоточить два корпуса в лагерях: один восточнее Фридрихсгама, другой — западнее Вильманstrand на расстоянии друг от друга в 40 верст на удобных позициях, а при обострении ситуации соединив корпуса, дать генеральное сражение и, разбив русскую армию, идти на Санкт-Петербург. Общая численность двух корпусов с учетом того, что в них вольются и финские войска, как считал Левенгаупт, должна быть в пределах 10—11 тыс. человек. Уязвимым местом замысла явилось очевидно то, что он на первых порах допускал разобщенность диспозиции шведских сил.

Денежных средств для ведения войны у Швеции оказалось мало — всего 69 бочонков золотых монет, из которых 27 было французской субсидией.

Шведские войска сохранили высокую боевую выучку, унаследованную от армии Карла XII. Они умели стремительно наступать и стойко обороняться, совершать быстрые марш-броски.

...Лишь 13 августа 1741 г. манифестом императора Ивана VI, которому не исполнилось и года, при регентстве его матери Анны Карловны, племянницы усопшей императрицы, Россия отозвалась на объявление ей войны. Манифест с длинным названием “О неприязненных действиях Шведской короны против Российской империи и о необходимости отразить оные силою” призывал страну к оружию.

Но это не значило, что власть предрежащие в России до 13 августа не ведали о нависшей над ней угрозе. В тот день, когда был обнародован манифест шведского короля Фридриха I с объявлением войны России, русский посол в Швеции М.П. Бестужев поспешил известить об этом регентшу Анну Карловну. Но, главное, ему удалось узнать военные намерения Швеции еще задолго до этого,

так что пришедший на смену Б.Х.Миниху после его отставки 6 марта 1741 г. новый президент военной коллегии и главнокомандующий русской армией генерал-фельдмаршал П.П.Ласси заблаговременно вывел один корпус в Карелию и к Кексгольму, а другой — в Ингерманландию. Так как он не без оснований полагал, что главный удар шведская армия будет наносить на Санкт-Петербург, то прикрыл его со стороны Выборга корпусом под командованием генерала Д.Кейта, а со стороны Красной Горки — корпусом принца Гессен-Гамбургского. С моря же столицу защищал Балтийский флот (14 линейных кораблей, 3 фрегата и 10 судов других классов), сосредоточенный у Кронштадта.

Так как можно было ожидать десантов на балтийском побережье, Ласси послал в Прибалтику значительные силы. А всего он поставил под ружье 20 тыс. человек.

Таким образом превосходство в силах оказалось на русской стороне.

Как только шведские войска высадились на финском побережье, — а это случилось 15 августа — они стали совместно с финскими войсками походными колоннами выходить на удобные позиции: один отряд в 5 тыс. человек под командованием генерала Будденброка у Кварнеби, к востоку от Фридрихсгама, другой в 3 тыс. человек под командованием генерала К.Врангеля у Мартилы, к западу от Вильманстранда. Диспозиция войск была выбрана так, что расстояние между отрядами было равно примерно суточному переходу.

Генерал-фельдмаршал Ласси привел в движение русские войска на кратчайшем к противнику Выборгском направлении 15 августа. Когда 20 августа он узнал, что крупный отряд шведских и финских войск под командованием генерала Врангеля походным порядком следует к Вильманстранду, он на рассвете 21 августа выступил ему навстречу с 10-тысячным отрядом. Важно было упредить соединение войск Врангеля с отрядом Будденброка, благо что он имел более чем тройное превосходство в силах над идущим к Вильманстранду неприятелем.

Хотя узкая дорога позволяла двигаться только в одну колонну, генерал-фельдмаршалу удалось 22 августа привести свой отряд к местечку Армилен, что стояло в полуверсте от Вильманстранда, на целый час раньше Врангеля (в 5 часов дня) и даже успеть провести рекогносцировку.

А что делал противник?

Врангель узнал о движении русских войск от коменданта Вильманстранда в 10 часов вечера 21 августа и тут же отправил об этом донесение генералу Будденброку. Тот усомнился в скором появлении

значительных сил противника и высказался за то, чтобы провести тщательно разведку и дожждаться его подхода.

Однако генерал Будденброк со своими указаниями опоздал. Генерал Врангель ночью 22 августа уже повернул свой отряд к Вильманстранду, рассчитывая занять перед крепостью выгодную позицию. На рассвете он уже на ней стоял, примкнув оба фланга к бухте озера Сайма. Врангель так торопился занять эту позицию, что оставил полевую артиллерию, но взамен поставил батарею из крепостных орудий на возвышенности Кваренбакен.

К полудню 23 августа генерал-фельдмаршал Ласси получил исчерпывающие данные разведки о силах и боевом построении неприятеля. Сообщение об этом на военном совете привело к одному выводу: атаковать шведов немедленно.

Ласси построил войска в две линии: первую отдал под начальство генерал-лейтенанту Штофельну, вторую — генерал-лейтенанту Бахметьеву. Главный удар решил нанести по левому крылу противника, где стояли финские войска.

Главные события разыгрались на левом фланге в схватке с финскими войсками. Они первыми подверглись мощному натиску русской пехоты. Подойдя к неприятелю на дистанцию в 150 шагов, т.е. на дистанцию действительного ружейного огня, русская пехота своими залпами привела финнов в замешательство. Финские стрелки, успев выстрелить по разу, в беспорядке бросились в крепость. Увидев, что левый фланг рушится, генерал Врангель перебросил на него наиболее стойкий Вестерботнийский полк.

Затем русские войска двинулись на правый фланг неприятеля. Так как этот фланг был ослаблен переброской с него Вестерботнийского полка, он не выдержал натиска и подался назад.

Дрогнул и центр шведских войск, когда на него пошла русская пехота. Драгунский полк неприятеля при этом вместо того, чтобы поддерживать свою пехоту, ускорил в Вильманстранд.

Так как отряд генерала Врангеля большей частью укрылся за стенами Вильманстранда и не думал сдаваться, генерал-фельдмаршалу Ласси пришлось подвергнуть крепость жесточайшей бомбардировке. Под грохот разрывов в Вильманстранд ворвались русские войска. Когда крепостные стены были очищены от шведов, над крепостью взвился белый флаг капитуляции.

Вильманстранд до основания разрушили и сожгли.

Отряд генерала Врангеля понес жесточайшее поражение. Русские войска взяли в плен 1450 капралов и рядовых, из которых 200 умерли от ран в первую же ночь, 34 офицера и 62 унтер-офицера.

В плен попал и сам генерал Врангель, раненый в руку.

Русским достались трофеи: 4 штандарта и 12 знамен, 13 орудий, около 2 тыс. лошадей.

Потери русского отряда оказались немалыми: 525 убитых и 1738 раненых.

Генерал Будденброк, узнав о судьбе отряда Врангеля, вернулся с марша на свою позицию у Кварнебию

13 сентября с подкреплениями на боевую позицию прибыл главнокомандующий фельдмаршал К.Э.Левенгаупт. Вслед за первыми подкреплениями стали перебрасываться морем новые шведские войска с Ботнического залива. Подходили и финские полки. Численность шведской армии к октябрю достигла 15 тыс. человек. Но и этого оказалось мало.

Ласси отвел войска из-под Вильманстранда к Выборгу.

Сентябрь и октябрь войска простояли в своих лагерях: шведские у Кварнеби, к востоку от Фридрихсгама, русские под Выборгом, не рискуя предпринимать мало-мальски значительные боевые действия. Мешала холодная, с дождями осенняя погода...

В ноябре Левенгаупт решился на демонстрацию силы. Он снарядил экспедицию на русскую территорию целого корпуса в 6450 человек и сам стал во главе его. Две недели по дорожной слякоти, в дождь и холод корпус рыскал от селения к селению, разоряя их. Мирное население он, возможно, и устрасил, но не фельдмаршала Ласси. Левенгаупт вернулся с корпусом в свой лагерь под Кварнеби, потеряв более половины его состава больными.

Тем временем 25 ноября 1741 г. в России произошел «дворцовый переворот», возведший на престол дочь Петра Великого Елизавету. Это обещало поворот к «национальному принципу» во внешней политике России, что не могло не отразиться хотя бы в первое время в течение русско-турецкой войны.

Вслед за Э.И.Бироном, первым регентом при царе Иване IV, устраненным от власти Б.Х.Минихом спустя несколько недель после кончины Анны Иоановны, в марте 1741 г. благодаря стараниям «друга и единомышленника» А.И.Остермана был отрешен от должности и сам Миних, а затем, когда на престоле оказалась Елизавета Петровна, лишился всех постов и Остерман. «Дух бироновщины», так долго господствовавший в государственных делах России, в том числе и во внешней политике, стал понемногу улечувиваться. Тем более что с декабря 1741 г. вице-канцлером, ответственным за внешнеполитический курс страны, стал видный русский дипломат А.П.Бестужев.

В начале зимы императрице удалось добиться перемирия со Шве-

цией, под прикрытием которого Бестужев затеял переговоры о мире. На них шведские представители, однако, ни на йоту не отступали от непомерных территориальных притязаний на русские земли. Войне было суждено продолжаться.

Король Швеции Фредрик I втайне советовал генералам продолжать свой марш мимо Выборга (лагеря русских войск — Авт.) и идти к Петербургу. А 14 декабря издал указ о наступлении.

Левенгаупт засел за разработку плана наступательных действий; главная идея его по-прежнему сводилась к нанесению главного удара на Санкт-Петербург.

2. Гельсингфорская победа

25 февраля 1742 г. в шведский лагерь у Кварнеби к главнокомандующему фельдмаршалу Левенгаупту прибыл из Санкт-Петербурга курьер с извещением, что 28 февраля перемирие прекращается. А вслед за тем разнесся слух, что у Фридрихсгаму якобы приближается 50-тысячный русский корпус. В шведском лагере поднялся переполох. Левенгаупт приказал эвакуировать женщин и детей из Фридрихсгамской крепости. 1 марта он собрал военный совет с одним вопросом: что делать? Кроме трех человек, все высказались за уничтожение Фридрихсгама и отступление.

Когда бы на самом деле к Фридрихсгаму приближался 50-тысячный русский корпус, это решение, возможно, было бы единственно верным: шведские войска у Кварнеби уступали ему более чем в два раза и не сумели бы выстоять. Феномен же заключался в том, что в это время русская армия преспокойно стояла лагерем под Выборгом и только еще сосредоточивалась, а насчитывала пока не более 20 тыс. человек.

Когда слух о приближении 50-тысячного русского корпуса не подтвердился, фельдмаршал Левенгаупт решил, оставив в Фридрихсгаме сильный гарнизон (два полка с артиллерией) свои главные силы — 19 пехотных, 4 конных и 3 драгунских полка — выдвинуть к юго-востоку, то есть в сторону Выборга, навстречу русским войскам.

Еще в марте императрица Елизавета выпустила манифест к населению Финляндии с призывом не участвовать в войне Швеции с Россией, отделиться от Швеции и образовать независимое государство, которое она обещала поддержать.

Ласси же получил высочайший указ: “Начать военные действия противу неприятеля, дабы оными неприятель к прямому желаемому мира склонению принужден быть мог”.

Главнокомандующий решил было немедля нанести удар по крепо-

сти Фридрихсгам, выйдя к ней по льду Финского залива. Однако пока сосредоточивались войска, наступила сильная оттепель и порушила смелый план. Тем временем, покинув зимние квартиры в Санкт-Петербурге, Новгороде, Пскове, Нарве, выдвигались к Выборгу, направляясь через Неву, свежие полки.

Галерный флот под командованием генерал-аншефа В.Я.Левашева получил пополнение: 70 галер и 15 тыс. человек для морского десанта и судовых команд.

Когда в конце мая под Выборгом, наконец, сосредоточилась вся русская армия (35—36 тыс. человек), и сильно потеплело, дороги подсохли, генерал-фельдмаршал начал боевые действия с того, что стал забрасывать через границу конные отряды для диверсий и обсервации.

Ласси вывел из лагеря главные силы русской армии 7 июня, замыслив наступать вдоль побережья на Фридрихсгам, Борго и далее на Гельсингфорс. Параллельно, обходя шхеры, двинулись тихим ходом галеры и ластовые суда генерал-аншефа Левашова с провиантом и боеприпасами. Когда Финский залив очистился ото льда, в море вышла эскадра из 14 линейных кораблей, 3 фрегатов, 3 бомбардирских судов, 2 прамов, 3 пакетботов, 2 брандеров и 2 шлюп под командованием вице-адмирала З.Д.Мишукова с тем, чтобы охранять галерный флот.

Русская армия походным порядком одолевала переход за переходом вплоть до 13 июня, когда Ласси получил от своей разведки сведения, что неприятель развернул боевой порядок неподалеку от Мендалакса на сильно укрепленной позиции, прикрыв направление в сторону Фридрихсгама. Не раздумывая, генерал-фельдмаршал повернул походные колонны на Мендалаксу и ускорил шаг. Уже 20 июня они вышли к пойме р. Вираоки. Дальше вела на Мендалакс одна узкая дорога да еще по болотистой местности, бедной фуражом, так что Ласси пришлось оставить у Вираоки обозы, взяв с собой провианта на 10 дней.

В это время конные отряды Ласси “забирались” далеко на вражескую территорию и даже стали показываться у Фридрихсгама. 16 июня отряд донских казаков совершил лихой налет на Кварнеби, уничтожил весь его гарнизон. Среди убитых оказался генерал-квартирмейстер (начальник штаба шведской армии) Норденкрейн.

Ласси привел русские войска к линии укреплений у Мендалакса вечером 25 июня.

Русские войска встали было лагерем в Мендалаксе, но Ласси 26 июня поднял их и двинул на Фридрихсгам.

Походным колоннам русских войск пришлось идти по извилистым узким горным дорогам, марш совершался медленно, так что они подошли к крепости только 28 июня. Генерал-фельдмаршал Ласси знал: Фридрихсгам довольно основательно укреплен, и в нем стоит сильный гарнизон, пополненный теперь еще войсками. Нужна была правильная осада, и он ее начал, заложив первую траншею. Но Левенгаупт не принял осады и оставил город, приказав сжечь его и разрушить все укрепления. Пожар охватил деревянные городские кварталы, один за другим взлетали на воздух пороховые погреба.

Шведские войска покинули город, прихватив с собой, однако, всю артиллерию и магазины. Левенгаупт отводил их к реке Сумме на соединение со всей шведской армией и далее к реке Кюмене.

Таким образом шведский главнокомандующий фельдмаршал К.Э.Левенгаупт менее чем за неделю оставил две вполне удобные для стойкого противоборства позиции для боя. Ласси диву давался, почему он так поступил. Но предполагал, что сей искусный военачальник обманулся расчетом на скорое заключение мира. И еще: по-видимому, его останавливало от решительного противостояния русских войск и то, что с самого начала кампании Ласси расстроил наступательную стратегию шведского командования, сам перейдя в наступление и захватив Вильманstrand и что, наконец, русская армия, как понял Левенгаупт, намного превосходила шведскую.

Ласси ничего не оставалось, как преследовать неприятеля и тем быстрее взять победу. Уже 30 июня он привел русскую армию к реке Сумме, где совсем недавно лагерем стояли шведские войска, а 1 июля — к реке Кюмене.

Здесь Левенгаупт попытался задержать русскую армию, приказав отряду в 2 тыс. человек не дать неприятелю построить мост атакующими действиями под прикрытием артиллерийского огня. Завязались жаркие схватки и не менее жаркая артиллерийская дуэль. Ласси, увидев, что войска на реке Кюмене действительно задерживаются, направил один отряд строить переправу на фланге шведской армии, а другой — казачий — бросил в глубокий обход ее.

Получив об этом 4 июля донесение, Левенгаупт снялся с позиции вдоль реки Кюмене и, взяв с собой артиллерию, начал ретирату вдоль побережья на Борго.

Вдоль побережья отходил к Борго и шведский флот.

В тот день, 4 июля, когда шведские войска повернули за Борго, Ласси получил указ императрицы Елизаветы, который предписывал ему, перейдя реку Кюмене, объявить ее границей, прекратить военные действия, построить укрепления вдоль реки и стать лаге-

рем близ Фридрихсгама. Ласси немало удивился этому. Возможно он объяснял сие предписание тем, что императрицу не ставили в известность об отступлении шведской армии без боя, так что она оставалась неосведомленной о действительном течении войны со Швецией; принять же это предписание к исполнению означало бы упустить из рук победу. 4 июля он собрал военный совет, на котором объявил о своем намерении нарушить волю императрицы и преследовать неприятеля дальше до самого Гельсингфорса. На это самое решение его подвигло и то, что, как ему стало известно, среди шведов возникла крайняя паника после окончания перемирия, а местное финское население явно склонялось на русскую сторону.

Ласси вел вперед почти всю армию, оставив в крепости Фридрихсгам гарнизон в 2800 человек и больных. Вдоль финского берега неотступно плыла русская галерная эскадра, не встречая сопротивления.

Далеко впереди двигался авангард под командованием генерал-майора Чернецова, а на флангах у неприятеля “висели” казачьи отряды под общим командованием бригадира Краснощекова.

Шведский главнокомандующий без боя оставил Борго, отойдя на выгодные позиции у Гельсингмальма.

Позиция шведской армии казалась неприступной, тем более что шведский галерный флот подвез провиант и подкрепление. Но стоило Ласси 8 августа бросить в атаку на шведскую кавалерию (с форсированием реки!) казачьи отряды и гусарские полки, а перед тем подвергнуть артиллерийскому обстрелу вражескую позицию, как противник в панике отступил.

Ласси было видно, что моральный дух у шведской армии надломлен отступлением, которому, казалось, не будет конца. Армию поразили жестокий бич — дезертирство. Ласси писал императрице, что неприятель “с такою конфузиею бежал, будто б его сквозь спиц-рутен гнали”.

Левенгаупт отводил шведскую армию к Гельсингфорсу, а к этому времени у него в тылу конный отряд полковника Мещерского, выступив из Кексгольма, овладел крепостью Нейшлот.

Не захотел оказать сопротивления и гарнизон Тавастгустской крепости.

10 августа Ласси задержал войска приблизительно в одной версте от Гельсингфорса, чтобы взять с идущих вдоль берега галер и ластовых судов подкрепления — до 4 тыс. grenадер и мушкетеров. На рекогносцировке генерал-фельдмаршал убедился, что Гельсингфорс — небольшой городок, но его удобно оборонять со всех сторон.

А в гавани стоят два больших прама с крупнокалиберными орудиями. Но не это беспокоило русского главнокомандующего, а то, что по данным разведки Левенгаупт намеревался посадить в Гельсингфорсе на суда свою армию и перебросить ее через Финский залив в Прибалтику. Но Левенгаупту сей замысел воплотить не удалось из-за потери взаимодействия со своим флотом. Тот в это время ушел далеко в сторону — к Карлскрону, оставив шведскую армию на произвол судьбы.

Левенгаупт тогда решил укрепиться в Гельсингфорсе, чтобы защищать береговую дорогу в Або.

Конные отряды Ласси преследовали шведскую армию буквально по пятам. Едва 11 августа она вступила в Гельсингфорс, уничтожив за собой Бробергский мост, как на ее арьергард — лейб-драгун — 12 августа напал казачий отряд бригадира Краснощекова. Завязалась жаркая схватка. Лейб-драгунам пришлось бежать. Но казаки заплатили за это дорогую цену: в кровавой сече погиб 70-летний их командир, известный своей беспримерной храбростью.

Тем временем генерал-фельдмаршал Ласси бросил свою кавалерию в обход Гельсингфорса с обеих сторон и 13 августа “обложил” его с суши. В тот день вице-адмирал Мишуков запер шведскую армию в городке с моря. Левенгаупту теперь нечего было и думать, чтобы укрепиться у Гельсингфорса, взяв под защиту дорогу на Або. Ему оставалось одно: отход с боем по этой дороге.

Предотвратить сей маневр помог местный житель-финн. Он явился к Ласси и рассказал ему, что в лесу есть забытая обходная дорога на Або, которую проложил еще Петр I во время Северной войны. Правда, ее покрыло мелколесье...

Четыре пехотных батальона и гренадерские роты за ночь расчистили дорогу, так что утром русские войска двинулись по ней, выходя в тыл шведской армии, и отрезали ее от Або. Левенгаупт попал в безвыходное положение. Ввиду этого он с живостью принял предложение Ласси вступить в переговоры, но запросил трехнедельного перемирия для связи с королем. В этом ему Ласси решительно отказал и привел войска к бою.

Судьба жестоко обошлась с главнокомандующим шведской армией крупным военачальником К.-Э.Левенгауптом. Он не успел закончить переговоры с Ласси, как был отозван в Стокгольм. Там он был предан суду и приговорен к смертной казни за ошибки, допущенные им у Мендалаксы и Фридрихсгама, обернувшиеся катастрофой для шведской армии.

20 августа командование шведской армией принял генерал Бускет. Он немедленно вступил в переговоры с Ласси, которые завершились

24 августа капитуляцией шведских войск.

По условиям договора, шведская пехота со всем личным оружием и знаменами отплывала в Швецию. Кавалерии предстояло возвращаться домой сухим путем вдоль побережья через Торнео или морем, погрузившись на суда в Або.

Десяти финским полкам (3 драгунских и 7 пехотных — всего 7019 человек) было дано право выбора: или отправиться с армией в Швецию, или, сдав оружие, знамена, лошадей и обоз, разойтись по своим домам. Финны предпочли вернуться к родным очагам.

26 августа Бускет сдал победителям всю артиллерию.

Отряд из 300 русских гренадер вступил в Гельсингфорс, выставив у важных объектов караулы.

Русской армии достались трофеи: 90 пушек, 665 пудов пороха, 300 2-пудовых бомб, вооружение финских полков, в том числе 1550 строевых и 239 обозных лошадей, 46 знамен и штандартов, 90 барабанов, более 5 тыс. фузей, почти 5 тыс. шпаг.

После того, как последний шведский солдат покинул Гельсингфорс, Елизавета назначила генерала Кейта главным начальником Финляндии. Он не замедлил занять Або, отрядив для этого сводный гренадерский полк (11 рот), 9 пехотных и 3 драгунских полка. Свой правый фланг со стороны г. Ваза прикрыл отрядом гусар и казаков численностью до 2,5 тыс. человек. Резерв — украинских драгун сосредоточил у Тавастгуса. А охранять берег оставил 16 галер и 2 прама в Гельсингфорс и 5 галер во Фридрихсгаме.

Наблюдательный отряд под командованием капитана Мансурова он выбросил на Аландские острова.

Все остальные войска двинулись на зимние квартиры в окрестности Санкт-Петербурга, Эстляндию, Москву, одни пешком, другие на галерах.

Флот вернулся на свои базы в Кронштадт и Ревель.

19 сентября по Москве в сопровождении воинского эскорта пронесли 40 знамен и 16 штандартов побежденной армии Швеции. Первым шел генерал-фельдмаршал П.П.Ласси. Войска приветствовала императрица Елизавета Петровна. В Кремле состоялся молебен. Так была отмечена гельсингфорская победа, круто повернувшая войну в пользу России.

Тем временем в Або съехались представители России генерал-аншефы А.И.Румянцев и И.Л.Люберис и Швеции — Цедеркрейц и Нолькен для переговоров о заключении мира. Переговоры, начавшиеся в январе 1743 г., затянулись, ибо Швеция не шла на уступки, как если бы и не потерпела жестокого поражения. Более того, за ширмой переговоров шведское командование не без ведома рикстага

рискнуло вновь развязать военные действия, намереваясь, по всей видимости, уничтожить оставленные в Финляндии войска генерала Д. Кейта. 28 марта, в разгар переговоров, большие силы шведских войск высадились на Аландских островах и захватили слабый отряд капитана Мансурова.

Затягивание мирных переговоров в Або и возобновление военных действий побудили императрицу Елизавету еще в апреле вновь назначить главнокомандующим русскими войсками в войне со Швецией генерал-фельдмаршала П.П.Ласси. Главнокомандующий избрал стратегию, подобную той, которую Петр I проводил в последнее время Северной войны и суть которой состояла в перенесении боевых действий на территорию Швеции, дабы заставить ее проявить уступчивость и пойти на мир. С тем только отличием, что теперь Ласси ставил себе задачу соединиться с генералом Кейтом и уже вместе с ним высаживать десанты на скандинавском побережье Швеции. То была стратегия, вполне отвечавшая обстановке.

8 мая, генерал-фельдмаршал Ласси вышел в море из Кронштадта с 36 галерами и 70 кончербасами, на которые посадил 9 пехотных полков, 8 рот гренадер и 200 донских казаков с лошадьми. А 9 мая от причалов отошел корабельный флот из 17 линейных кораблей и 6 фрегатов под начальством адмирала Н.Ф.Головина — прикрыть гребную эскадру Ласси.

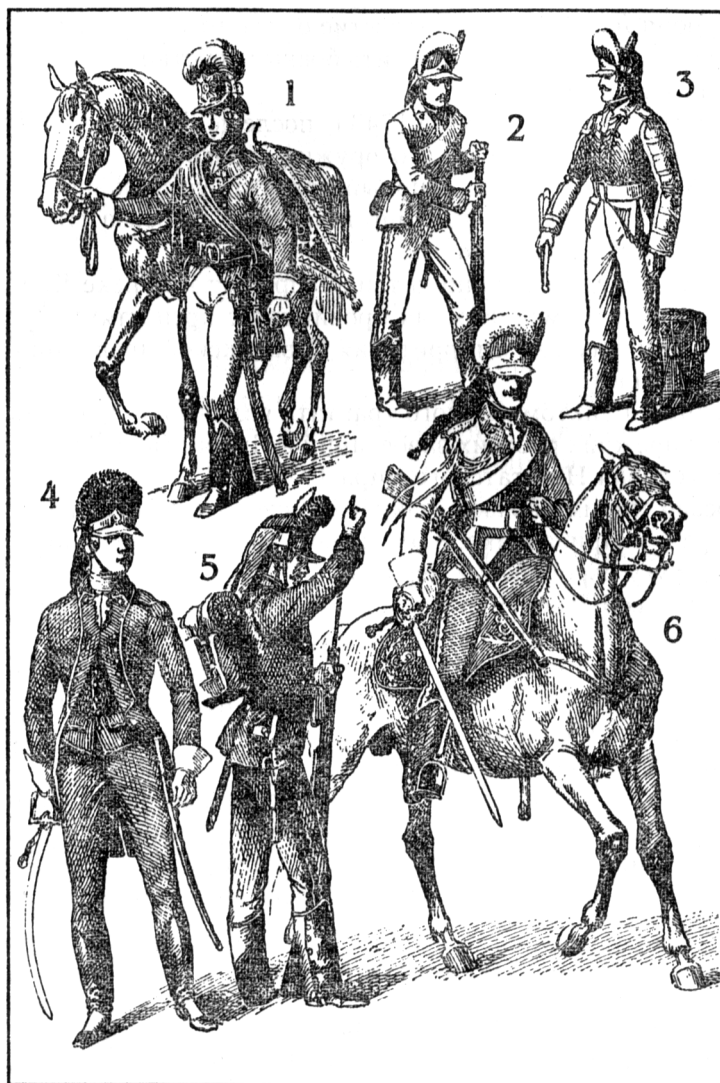
Еще 7 мая вышел в море шведский корабельный флот, имея в своем составе 16 линейных кораблей, 5 фрегатов, 3 брига, 2 бомбардирских судна и брандер, так что он превосходил в числе судов русский корабельный флот.

Как же протекали последние события войны со Швецией?

В то время, как генерал-фельдмаршал Ласси вел свой галерный флот на соединение с флотилией Кейта под прикрытием корабельного флота, командующий шведским флотом и не помышлял его тревожить, ограничив себя сторожевой службой вдоль взморья. А затем и вовсе ушел в море, по-видимому опасаясь боевого столкновения с адмиралом Головиным.

Ласси, хотя и медленно, но продвигался вдоль побережья, теперь уже без всяких опасений, к Сотунге. 12 июня здесь он и соединился с генералом Кейтом. Так, у Сотунги встал сильный русский гребной флот (имел одних только галер 57) с многотысячным десантом на борту.

Ласси со свойственным ему стремлением к немедленным действиям решил тут же идти к Аландским островам, а от них, как только случится попутный ветер, — к берегу Швеции с тем, чтобы высажить на нем десант. Гребная флотилия тронулась в дорогу...

Форма русской армии 1786—1796 года

1. Обер-офицер конной артиллерии. 2. Рядовой и (3) барабанщик пехотных и гренадерских полков. 4. Обер-офицер и (5) рядовой егерских батальонов. 6. Рядовой кирасирских полков

18 июня Ласси получил известие о том, что близится заключение мира со Швецией и переносить боевые действия на ее территорию было уже ни к чему.

Действительно, 7 августа 1743 г. после долгих переговоров под прямым воздействием русского оружия, вновь показавшего свою силу, в Або был подписан мирный трактат, установившей между Россией и Швецией “вечный мир и дружбу”, с обязательством не вступать во враждебные союзы.

Русско-шведская граница теперь пролегла по реке Кюмене. К России отошла Кюменегорская провинция с крепостями Вильманстранд и Фридрихсгам и территория Савалакской провинции с крепостью Нейшлот.

Важным пунктом мирного трактата являлось признание Швецией всех прежних русских завоеваний в Прибалтике. Трактат подтвердил условия Ништадтского мира 1721 г.

Россия, таким образом, закрепила свое господство на Балтийском море и в Прибалтике, а это в свою очередь укрепило ее положение в кругу европейских держав.

В войне со Швецией стратегия и тактика русской армии и флота развивались в русле традиций, заложенных Петром I.

Выдающимся явлением русской стратегии было принуждение армии Швеции к капитуляции без генерального сражения, а лишь умелым маневром силами армии и флота, приведшим к окружению неприятеля в районе Гельсингфорса.

Война дала толчок развитию тактики, в ней находили применение не только линейные построения, но и рассыпные строи.

Собственно, все это и предрешило успех русской армии и флота в войне со Швецией. Дух Петра I здесь снова восторжествовал.

Вопросы к главе X:

1. В чем причины войны со Швецией?
2. Основные сражения русско-шведской войны в 1742 г.?
3. В чем заключалась особенность русской стратегии на завершающем этапе войны?

Глава XI

СЕМИЛЕТНЯЯ ВОЙНА

Европе выпало почти 14 лет более или менее мирного времени, когда пушки молчат, а говорят музы, как вдруг в августе 1756 г. вспыхнула новая война, известная под названием “семилетняя”. У нее была коренная особенность — военное пожарище охватило не только Европу, но и Северную Америку и Ост-Индию. Иначе говоря, она приобрела характер, близкий к мировой. Война захватила, таким образом, огромную территорию, причем не только суши, но и морских пространств.

Семилетняя война явилась, с одной стороны, как вооруженное соперничество Великобритании и Франции в Северной Америке и Ост-Индии, а с другой — как столкновение агрессивной политики Пруссии и внешнеполитических устремлений Австрии и России.

Какие же стратегические цели преследовали страны в начавшейся войне?

Великобритания жаждала захватить колонии Франции и установить безраздельное господство на море. Пруссия же ставила целью овладеть Саксонией и сделать Польшу своим вассалом.

Австрия хотела ослабить Пруссию и утвердить свою гегемонию в Центральной Европе, вернув себе захваченную в 1740 г. Силезию. Австрия принадлежала к владениям императорской династии Габсбургов; в эти владения входили также, помимо Австрии, Чехия, Венгрия, Ломбардия и области в Нидерландах. Австрийские владения клонились к упаду.

У Франции были не менее большие цели: она стремилась присоединить владения английского короля в Европе — Ганновер, отстоять свои колонии в Северной Америке и Ост-Индии и сдержать усиление Пруссии.

Не оставалась в стороне и пока еще воинственная Швеция, намереваясь захватить Померанию.

Россия преследовала более или менее “скромные” цели, а именно: остановить агрессию Пруссии на восток и расширить свои владения на западе, овладев Восточной Пруссией. Стратегические цели стран, начинавших новую людскую бойню, таким образом пронизывал дух захватничества.

Так образовались два эпицентра войны и два центра военного противостояния: англо-пруссский, откровенно агрессивный, к которому примкнули Ганновер, Гессен-Касель, Брауншвейг, отдельные кня-

жества из состава “Священной Римской империи германской нации” и франко-австро-русский. К нему присоединились Швеция, Саксония и большинство княжеств, входивших в эту лоскутную империю.

Судьба великих столкновений решалась в Европе. Здесь вспыхнул и семь лет горел главный огонь войны. Молодой, смелый, коварный король Пруссии Фридрих II, не лишенный полководческих качеств, закалив армию в походах и боях и доведя ее численность до 160 тыс. человек (после захвата Силезии), на рассвете 17 (280 августа 1756 года внезапно, без объявления войны двинул на Саксонию 95-ти тысячный отряд. Стратегический замысел полководца, исходя из идеи неожиданного удара, сводился к тому, чтобы, скрытно выдвинув и бросив вперед войска с разных направлений, окружить саксонскую армию (18 тыс. человек) и разбить ее или заставить капитулировать. Замысел Фридриха II удался, хотя и не без труда. Почти полтора месяца саксонцы, попавшие-таки в кольцо, отчаянно сопротивлялись. Но 4 октября капитулировали: слишком велико оказалось превосходство сил у короля Пруссии.

Кампания 1756 г. осталась, таким образом, за Фридрихом II.

Помимо превосходства в силах и внезапности королю помогло то, что ему удалось добиться у солдат и офицеров высокой боевой выучки; и это во многом благодаря тому, что еще с 1713 г. в Пруссии была введена пожизненная служба солдат. Смысл ее заключался больше в строгой муштре, но в значительной мере и в ежедневном обучении приемам ружейной и артиллерийской стрельбы, рукопашной борьбы, кавалерийской атаки и т.п. То была первоклассная армия, но не лишенная недостатков. Муштра сковывала поведение солдат в бою, привыкших действовать по командам. Они терялись, лишаясь командира. Во многом поэтому частям не хватало стойкости в обороне, а подчас они впадали в панику. Пруссия больше походила на военный лагерь, чем на страну с мирными поселениями.

В угрожающей близости от границ России появилось сильное милитаристское государство.

Еще 16 августа 1756 г. Елизавета издала рескрипт, объявлявший войну Пруссии. Конференция — совет высших сановников при императрице — возложил формирование армии на А.Б.Батурина, влиятельного вельможу, фельдмаршала, подполковника Преображенского полка. К сожалению, он не имел никакого образования, но выделялся жестким характером и не был лишен ума.

Однако командующий армией стал не он, а известный фельдмаршал, шеф семеновцев С.Ф.Апраксин, отличавшийся как полководец крайней осторожностью. Пока Бутурлин формировал, а Ап-

раксин выводил армию на рубежи развертывания, получилось, что войска лишь во второй половине июня 1757 г. перешли Неман и не спеша, встречая слабое сопротивление, вошли в Пруссию.

Фридрих II задумал разбить своих противников поодиночке. То была душа его стратегии.

Весной развернула действия Франция.

В это время австрийская армия развертывалась у границ.

К августу 1757 г., когда все союзные армии пришли в движение, Фридрих II со своей армией оказался в кольце. Замысел его рушился, тем более что численность войск союзников превышала 300 тыс. человек, то есть намного превосходила прусское войско.

Явно недооценивая русские войска, Фридрих II поручил защищать Пруссию — в нее уже довольно глубоко вклинился Апраксин — отряду в составе 30 тыс. человек под командованием генерала Х. Левальда, а сам бросился с главными силами (192 тыс. человек) в Чехию. Здесь ему удалось, нанеся удары с четырех сторон, осадить Прагу. Защиту столицы Чехии с изумительным мужеством вело 60-тысячное австрийское войско. Лишь подоспевшая на выручку австрийская армия под командованием Л. Дауна (более 50 тыс. человек), разбив пруссаков 7 июня при Колине заставила их покинуть Чехию.

Французская армия маршала Л.Ш. д'Эстре (70 тыс. человек) в апреле заняла Гессен-Кассель, а позже Ганновер, ведя оборонительные, а подчас и наступательные бои. А французская армия принца Ш. Субаза (57 тыс. человек) в августе подошла к Пруссии.

Война таким образом принимала сложный, драматический характер для обеих воюющих сторон.

Тем временем Апраксин, хотя и продвигаясь черепашным шагом, взял Мемель, Тильзит, Гумбиньен и Инстербург. Елизавета понуждала фельдмаршала разгромить Левальда с тем, чтобы ско-

Фермор В.В. (1702—1771 гг.). Гравюра Дж. Ватсона 1769 г.

рее открыть путь на Кенигберг. Апраксину ничего не оставалось, как повиноваться императрице. Под его командой армия, ускорив движение, 17 августа “перешагнула” реку Прегель, протекавшую недалеко от деревни Гросс-Егерсдорф. Рано утром нетерпеливый генерал Левельд атаковал русскую армию, разбившую лагерь у этой деревни. Завязался жесточайший бой, большей частью в центре русских боевых порядков. Исход сражения решила фланговая штыковая атака четырех полков 32-летнего генерал-майора П.А.Румянцева, позже еще не раз прославившего русское оружие. Пруссаки дрогнули. Туман, пожары, сильный ветер играли на руку русским. Они усиливали панику, охватившую прусских солдат. Сражение у Гросс-Егерсдорф русские выиграли начисто. Дорога на Кенигсберг была открыта.

В это время Фридрих II с главными силами сражался на западе с французами и австрийцами и ничем помочь не мог.

Однако произошло то, что, казалось, произойти не могло. Простояв без толку неподалеку от Кенигсберга, фельдмаршал Апраксин внезапно приказал бить ретираду. Считают, он получил записку от канцлера Бестужева-Рюмина с извещением об опасной болезни императрицы, а наследник ее, Петр Федорович — Апраксин знал, — был насквозь проникнут преклонением перед Фридрихом II и всем прусским. Ретирада же, вероятно, рассудил он, была спасением...

Русская армия с большими потерями от болезней в первых числах октября, отойдя, остановилась в Мемеле на зимние квартиры. Таким образом, победа русской армии под Гросс-Егерсдорфом обернулась негаданным отходом. Елизавета и Конференция были возмущены поведением Апраксина. Еще на дороге он был арестован и под конвоем прибыл в Петербург. Фельдмаршал был обвинен в измене и на допросе скончался. Елизавета сняла с должности Бестужева-Рюмина и отправила его в деревню. Конференция поручила командование русской армией ученику Миниха В.В.Фермору, приказав ему немедленно овладеть Восточной Пруссией.

Фридрих II не замедлил воспользоваться отходом Апраксина 25 октября 1757 года при деревне Россбах он разбил сильную франко-австрийскую армию, бросив ей во фланг кавалерию генерала Зейдлица, а затем перекинул войска в Силезию. Здесь 5 декабря он выиграл ожесточенное сражение у австрийцев. Ему достались более 20 тыс. пленных, вся артиллерия и обоз.

Еще в сентябре шведская армия (23 тыс. человек) развернула наступление на Штеттин (Померания), но после отступления Апраксина отошла и она.

И кампанию 1557 года выиграл таким образом Фридрих II.

Тем временем русская армия под командованием фельдмаршала Фермора в декабре 1757 года снова двинулась в Восточную Пруссию. Ни холод, ни бездорожье не сломили высокого духа солдат, а неминуемая встреча с пруссаками лишь воодушевляла их. “Русские прусских всегда бивали”, — шла молва по войскам, пущенная, как стало известно, А.В.Суворовым. В эту пору он занимался формированием батальонов в Лифляндии и Курляндии, и громкая слава его еще ждала.

В кампании 1758 г. франко-австро-русская коалиция выставила войну 316 тыс. чел., Фридрих II — 145 тыс. человек. Более чем двойное превосходство коалиционных сил открывало возможность разбить войска короля Пруссии, но этому помешала рассогласованность в действиях командующих. В то время как громада русских войск численностью свыше 60 тыс. человек, начав наступление в Восточной Пруссии, в январе 1758 г. заняла ее и присоединила к России, а летом осадила Кюстрин, Франция увязла в боях в Гессен-Каселе и Ганновере, Австрия же вела пассивно-оборонительные действия в Силезии и Саксонии.

В это время Фридрих II снова прибег к излюбленному приему — громить врагов поодиночке, а именно Австрию и Россию. Однако ситуация заставила его круто изменить свое намерение. Узнав о том, что русские войска (58 тыс. человек) осадили Кюстрин, он поспешил к этому городу со своими главными силами, взяв их под свое непосредственное командование (32 тыс. человек). Узнав об этом, фельдмаршал Фермор снял осаду и занял позицию на пересеченной местности перед деревней Цорндорф. Между тем Фридрих II не стал атаковать русские войска в лоб, как ожидал Фермор, а в ночь на 14 августа совершил глубокий обход правого крыла русских и вышел им в тыл. Утром Фермор был вынужден перевернуть фронт так, что вторая линия более слабая, стала первой, а сильный левый фланг оказался менее сильным правым.

Разыгралось ожесточенное сражение. Фридрих II двинул войска в “косую атаку” на правый фланг русских, открыв сильный артиллерийский огонь. Но под этим огнем, каким бы губительным он не был, и вдобавок под натиском пехоты, правое крыло русских стояло неподвижно. Фридрих II в сердцах бросил вперед, как это он делал всегда в критический момент, свою конницу. Русская пехота пропустила ее, расступаясь, а затем сомкнула ряды; прусская конница вместе с королем едва пробилась назад.

Цорндорфское сражение 1758 г. не принесло победы ни одной из сторон. Прусская армия отступила к Кюстрину, русская — к Ландсбергу и далее в Померанию.

Есть суждение: русская армия возобновила утром 15 августа сраже-

ние, могла учинить разгром противника, тем более что к полю боя спешил корпус генерала Румянцева; хотя он и получил известие, что русская армия якобы разбита, этому не поверил. Быстро вел корпус. Однако опоздал.

“Но главная польза от сего сражения, — говорит очевидец его барон Розен, была та, что войска наши прославились неопишущей храбростью и непреоборимостью. Сам король ужаснулся, увидев как дралась наша пехота...”

Однако положение при дворе (больная императрица, открытая демонстрация “прусачества” ее приемника Петра Федоровича) и не поддающийся оправданию отход русской армии заставили фельдмаршала Фермора просить об отставке и его просьба была удовлетворена. Однако полной отставки он не получил, Елизавета, ценя его богатейший боевой опыт, предоставила ему в командование дивизию.

С наступлением тепла русская армия (40 тыс. человек) начала стягиваться к городу Познани, а 19 июня новым главнокомандующим Конференция назначила 60-летнего сподвижника Петра I, закаленного в боях генерал-аншефа П.С.Салтыкова. То был быстрый на смелые решения генерал, любимец армии. Природа наделила его недюжинным полководческим талантом. Он, не мешкая, двинул войска к Одеру. Этому пытался воспрепятствовать прусский корпус под командованием генерала В.Г.Ведела (30 тыс. человек) Но Салтыков его разбил в Пальцигском сражении 12 июля 1759 г. Спустя менее месяца, Салтыков соединился с австрийским корпусом Б.Э.Лаудона. Заняв с ходу Франкфурт-на-Одере, Салтыков предложил командующему австрийскими войсками смелую мысль: поскольку дорога на Берлин открыта, совместными действиями нанести удар на город и тем, может быть, завершить войну викторией. Но австрийский командующий уклонился от этого, опасаясь, по всей видимости, полного разгрома Пруссии и, значит, усиления России.

Салтыков П.С. (1698—1772 гг.).
Гравюра Д.Герасимова по оригиналу
П.Ротари. 1760-е гг.

Таким образом, кампания 1759 года, несмотря на блестящие победы русского оружия, закончилась без решающих успехов союзников, тем более что в коалиции наметились разногласия: Франция решительно противилась включения Восточной Пруссии в состав России.

Война продолжалась, достигая своего апогея.

Новая кампания 1760 г. впечатляет тем, что Фридрих II, девизом которого было “Только вперед!”, с трудом доведя численность прусской армии до 100—120 тыс. человек, решил перейти к обороне, прикрыв свои коммуникации и магазины, в то время как союзные государства (численность армии 220 тыс. человек) ставили перед войсками наступательные задачи. Стратегия заключалась в совместных действиях русских и австрийских армий в Силезии, имперских войск в Саксонии, а французских — против Ганновера.

В новой кампании русская армия включала в себя, управления, передовой корпус Чернышева, 1-ю дивизию Фермора, 2-ю дивизию — фон Брауна, регулярную кавалерию Волконского и Еропкина, легкую кавалерию (гусары и казаки) Тотлебена. Все эти генералы, за исключением Тотлебена, отличались верностью императрице и отечеству, храбростью, заботой о солдатах.

Тотлебен же оказался генералом, передававшим Фридриху II все мало-мальски важные сведения о штабных и войсковых новостях, какие мог “уловить” в русской армии. Еще Фермор, будучи командующим армией, возбудил против него следствие, но в Петербурге Тотлебену удалось оправдаться.

Как же развивались события?

Поскольку командующий австрийской армией устранился от совместных действий, Салтыков перенес главные усилия армии в Померанию, а один ее корпус (23 тыс. человек), которым командовал генерал З.Г.Чернышев, направил в рейд на Берлин в рассуждении посеять переполох во вражеском стане и отвлечь его силы от Померании.

Салтыков стремился больше действовать на сообщениях противника, “выманивая” прусские войска из укрепленных градов и крепостей, и, если это удавалось, уничтожал их. Но общую дирекцию генерал Чернышев не терял. Смелым броском овладел Берлином 28 сентября. Но так как к Берлину повернула 70-тысячная армия Фридриха II, явно встревоженного падением города, генерал ограничился тем, что уничтожил военные магазины и какие попались военные объекты. А затем отступил на соединение со своей армией. Силы же приковал к себе значительные и даже самого Фридриха II.

Таким образом и кампания 1760 г. склонялась к ничьей, но

принесла выгод больше русским, чем пруссакам, дезорганизовав вражескую оборону “налетом” на Берлин.

Как замышляла Конференция, кампания 1761 г. должна быть последней и привести к поражению Фридриха II.

Дело шло к этому.

Главные силы фельдмаршала Бутурлина, назначенного командующим армией вместо заболевшего Салтыкова, перенацеливались на Силезию, в то время как войска вспомогательные — на Померанию для овладения портом и крепостью Кольберг. Командовать этими войсками Бутурлин поручил генералу Румянцеву.

Генерал Румянцев, сшибая слабые заслоны пруссаков, стремительно вошел в Померанию и во взаимодействии с Балтийским флотом осадил Кольберг. В тыл ему Фридрих II бросил корпус генерала Платена для действий на коммуникациях русских. Но генерал Платен сам попал под удары русских “летучих” отрядов, которые проникали к нему в тыл и, используя партизанскую тактику, не давали прусским войскам пробиться к Кольбергу и деблокировать его.

В числе командиров “летучих” отрядов в чине подполковника состоял и А.В.Суворов, проявивший в коротких стычках с врагом уже тогда отличавшие его быстроту, глазомер, натиск. Его нападения были всегда внезапны и завершались успехом. 16 декабря Кольберг пал, не выдержав осады.

Положение Пруссии стало крайне тяжелым. Она потеряла Силезию, была отрезана от Польши, которая обеспечивала ее продовольствием и от Балтийского моря. Помимо того, ей грозил совместный удар русской и шведской армий на Берлин с севера, согласованный Бутурлиным со шведским командованием.

Пруссия оказывалась, таким образом, в жестких клещах врагов и гибели ее, как государства, можно было ожидать с большой вероятностью. Но тут в историю вмешался случай, этот вечный ее спутник. 25 декабря 1761 г. умерла императрица Елизавета Петровна. Заняв престол, Петр III чуть ли не как подданный Фридриха II, незамедлительно вывел Россию из войны, вернул Пруссии занятую русскими войсками территорию, а 24 апреля заключил с ней союзный договор. 11 мая вышла из войны Швеция.

Парадокс истории: в кампании 1762 г. русскому корпусу генерала Чернышева пришлось в составе прусской армии — Россия стала союзницей Пруссии! — обратить оружие против своих бывших партнеров: Франции, Австрии и имперских государств. Повинуясь Петру III, он выбил австрийцев из Силезии и Саксонии и добился победы над имперскими войсками (октябрь 1762 г.). Но 23 октября истощенные семилетней войной противники — Пруссия и Франция — зак-

лучили прелиминарный мир. 12 ноября Фридрих II пошел на перемирие с Австрией.

В семилетней войне между Великобританией и Францией на море и в колониях вначале успех сопутствовал Франции. Но с кампании 1758 г. Франция, отягощенная войной в Европе, стала терять инициативу. В 1760 г. Англия захватила Канаду, часть Луизианы, Флориду и значительную территорию в Индии.

Наступило время, когда не было ни войны, ни мира.

С этим неопределенным состоянием покончили заключившие 30 января мирный договор Англия и Франция; договор утвердил статус-кво воюющих сторон. А 4 февраля 1763 г. Пруссия, с одной стороны, Австрия и Саксония, с другой, подписали мир, завершивший войну, сильно истощавшую страны. Он подтверждал права Пруссии на Силезию и графство Гляц.

Семилетняя война привела к тому, что в Европе и в мире произошли изменения в соотношении сил. Великобритания, захватившая значительные колониальные владения Франции и Испании, стала, вне сомнения, сильнейшей морской державой. Пруссия упрочила свою роль в среде германских государств и получила возможность объединить Германию под своей эгидой. Ослабленная Франция приблизилась к революционным преобразованиям феодальных устоев. Австрия пошла на упрочение союза с Россией в назревавшей войне против Османской империи.

Все эти изменения были во многом вызваны к жизни героической борьбой русской армии, которая, хотя и не смогла добиться своих целей из-за пропрусской ориентации Петра III, но которой удалось доказать, что Запад и Восток имеют дело с великой европейской державой

Вопросы к главе XI:

1. Какие стратегические цели преследовали государства в семилетней войне?
2. Приведите примеры героизма и мужества русских солдат в ходе боевых действий.
3. В чем состоит значение и смысл взятия Берлина русскими войсками? Кто ими командовал?
4. Итоги семилетней войны. Удачным или неудачным оказался исход войны для России?